

Екатерина Михайловна

ЛИТМОВ
Помоганка
в Золотой
век

Купеческая жена

Татьяна Михаль

Купеческая жена

<https://litres.ru/74661107>

SelfPub; 2026

Аннотация

Попала в другой мир и стала ненужной женой!

Мой муж - инвалид с характером танка, а в доме мыши доедают последние крошки.

Но я хирург! Скальпель, реанимация и ночные дежурства закалили меня.

Граф Михайлов смотрит сквозь меня, родня считает пустым местом. Местные лекари уже похоронили графа заживо.

Зря.

Верну зрение мужу, поставлю его на ноги, наведу порядок в доме и сердцах.

Заодно докажу, что настоящий хирург не пасует ни перед гнойным сепсисом, ни перед наглыми родственниками!

И уж тем более ни перед собственным супругом, который ещё не понял, с кем связался!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	66
Глава 7	76
Глава 8	87
Глава 9	98
Глава 10	113
Глава 11	124
Глава 12	137
Глава 13	154
Глава 14	168
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Татьяна Михаль

Купеческая жена

Глава 1

* * *

— Анастасия —

— Отсос!

Операция уже шестой час длилась.

Под рёбрами противно ныло и спина окаменела. Да ещё глаза слезились от этой чёртовой лампы, которую вечно никто не может настроить как надо.

— Зажим, – потребовала я, и медсестра Лена, наученная горьким опытом, вложила в мою руку именно зажим, а не ретрактор или скальпель.

Пациент у нас – мужчина пятидесяти трёх лет. И у него разрыв селезёнки после ДТП.

М-да, мой типичный пятничный вечер и моя типичная жизнь.

— Пульс?

— Сто двадцать и давление восемьдесят на сорок.

— Ещё два кубика...

Руки двигались сами. Мышечная память – мощная вещь. Говорят, пианисты могут сыграть симфонию с закрытыми

глазами. А вот хирурги могут зашить селезёнку не только с закрытыми глазами, чисто на ощупь, но ещё под обстрелом и с недосыпа.

Последнее, конечно, это шутка.

Хотя один раз у нас была ночная смена после Нового года, и тогда...

Я поймала себя на мысли, что отвлеклась, а это плохой признак. Значит, пришла усталость. Только не думайте, что это когда просто хочется спать. Ох, нет, нет, и нет.

В моменты подобной усталости мозг начинает вести себя как перегретый процессор, – он тормозит, зависает и выдаёт ошибки там, где их быть не должно.

— Селезёнку частично сохраняем, – проговорила я, больше для себя, чем для ассистента. – Лена, ещё отсос.

Я работала быстро, чётко и без лишних движений.

В этом я была хороша, именно в умении держать в руках чужую жизнь и не выронить её.

А вот в личной жизни всё было по-другому. Я не умела заводить друзей и вечно забывала, когда у моей единственной лучшей подруги день рождения.

Кровь всё ещё сочилась.

Мелкий сосуд, чёрт бы его побрал.

Я наложила зажим, потом ещё один. Прошила и затянула.

— Давление поднимается. Сто сорок на восемьдесят, пульс девяносто.

До облегчения ещё пахать и пахать.

Я зашивала брюшную полость, когда поймала себя на мысли, что пациент, ну-у-у, он просто биоматериал.

Пока он не открыл глаза и не сказал дурацкое «спасибо, доктор», от которого почему-то всегда хочется сбежать, именно до этого момента передо мной лежал просто набор из костей, мышц, сосудов, нервов и органов.

Но если начать думать о том, что у этого набора есть имя, семья, любимая собака и непогашенный кредит, то всё, считай, что приплыли. Твои руки обязательно дрогнут.

А руки хирурга дрожать не имеют никакого права.

— Операция закончена, – произнесла я, отступая на шаг.
– Запишите время и переводите в палату интенсивки.

Сняла перчатки, бросила их в контейнер. Халат полетел туда же, и шапочка следом.

Подошла к умывальнику и пустила воду. Хорошо умылась.

В зеркале отразилась женщина, которой я себя не чувствовала.

Мне тридцать два года, а уже такие жуткие тёмные круги под глазами. Волосы, собранные в хвост, торчали во все стороны.

Бледная, худая, – это всё вечная диета хирурга, которая состоит из кофе, печенья и постоянных нервов.

— Анастасия Сергеевна, вы домой? – спросила Леночка, заглядывая в дверь.

— Да, домой, – кивнула ей. – Запишешь в журнале?

— Конечно. Вы хоть поешьте.

— Обязательно.

Я соврала.

У меня в холодильнике был йогурт, срок годности которого истёк три дня назад, и полпачки засохшего творога.

Ещё был чай.

Чёрт.

Заказала доставку еды из ресторана и супермаркета, у меня ещё и туалетная бумага закончилась.

* * *

Всё доставили раньше, чем я приехала домой, заказ оставили у консьержки.

— Настёна, когда будешь есть домашнее? Вот принесу тебе своих пирожков, сразу станешь на человека похожа, а не на привидение!

Я рассмеялась, забрала пакеты и сказала:

— Тётъ Маша, ваши пирожки лучше любого лекарства. Не откажусь.

— Всё, договорились!

Квартира встретила меня тишиной.

Я скинула кроссовки, прошлёпала на кухню.

Включила чайник, достала кружку, налила заварки.

Достала из пакетов контейнеры с едой. Курица с толчёной картошкой, салат, вишнёвый пирог.

Я ела и не чувствовала вкуса, потому что спать хотелось так, что глаза слипались, а веки были тяжёлыми.

Поела, выпила чаю, поставила кружку в раковину. Мыть буду завтра.

Пошла в ванную, умылась, почистила зубы механическими движениями, отработанными до автоматизма.

В спальню идти не хотелось, там была кровать, на которой я не спала уже... сколько? Три месяца? Четыре? После того как мы с Димой разбежались, я даже не заводила никого. Некогда, да и некого.

Без сил рухнула на диван в гостиной.

Диван был старым, продавленным, но я любила его именно за это.

Он помнил мою спину и принимал меня такой, какая я есть.

В голове всё ещё гудело.

Операция, кровь, селезенка, пульс, давление.

Я прокручивала каждый свой шаг, проверяя, не ошиблась ли.

Не ошиблась, всё сделала правильно. Пациент будет жить.

Я закрыла глаза.

И тут же, у меня дико разболелась голова, всё случилось резко и внезапно, как будто кто-то воткнул раскалённую спицу прямо в затылок.

Боль была такой сильной, что я даже не успела вскрикнуть.

Мир перед глазами дёрнулся, размылся, превратился в акварельные кляксы.

В ушах зашумело, нет, это был не шум, а какой-то странный гул, будто я стояла под высоковольтной линией.

— Что такое... — прошептала, хватаясь рукой за голову.

Перед глазами ярко и ослепительно вспыхнуло, как будто увидела сварку.

Я зажмурилась, но свет проникал сквозь веки, прожигал сетчатку, лез прямо в мозг.

А потом... пшик!

Темнота и тишина. И никакой боли.

* * *

Я ожидала, что после такой вспышки и боли очнусь на кафельном полу в своей ванной, с разбитой головой.

Или, на худой конец, в реанимации, где добрые коллеги будут ставить мне капельницу и говорить что-то утешительное про профессиональное выгорание и необходимость отдыхать.

Но я лежала на чём-то мягком, даже чересчур мягком для моей спины, привыкшей к жёстким матрасам и продавленным диванам.

Пахло пылью, старым деревом, воском и чем-то сладким, похожим на ладан или очень дорогую, но ужасно вонючую парфюмерию.

Голова болела тупо, монотонно, с противным привкусом тошноты на языке. Я медленно открыла глаза.

Потолок был высоким, да ещё с лепниной. С лепниной? И с огромной люстрой из мутного стекла, которая висела на

толстой цепи.

Я удивлённо моргнула.

Люстра никуда не делась, лепнина тоже.

К тому же добавились тяжёлые портьеры бордового бархата на окнах, которых в моей квартире отродясь не было, и стены, обитые какой-то тканью в мелкий цветочек.

— Это галлюцинация? – произнесла вслух.

Голос прозвучал хрипло, слабо, с каким-то странным акцентом, которого я у себя не помнила, будто я не спала трое суток...

Попыталась сесть, и это было ошибкой.

Мир качнулся, и к горлу подкатила мерзкая тошнота.

Я зажмурилась, задышала глубже.

Так, вдох на четыре, выдох на шесть. Вдох и выдох.

— Спокойно, – прошептала я. – Это просто галлюцинации, чёртово переутомление и недостаток магния.

Я открыла глаза.

Люстра всё ещё висела, портьеры тоже, и я всё ещё лежала на кровати, которая была раза в два больше моей гостиной.

— Ладно, – пробормотала я. – Допустим, это галлюцинации, и они очень реалистичные.

Попыталась приподнять руку, чтобы пощупать пульс, это базовый рефлекс любого врача, который находится в непонятном состоянии.

Рука поднялась, и я её рассмотрела.

Это была моя рука, но в то же время и не моя.

Я уставилась на неё в откровенном шоке, и в моём сознании, наконец, заработали шестеренки.

Рука была чересчур худая.

Это не моё спортивное поджарое тело. Это тело было болезненно худым.

Кожа белая, с голубоватой сеткой вен, и ногти бледные без единого признака маникюра.

Медленно перевела взгляд на всю себя.

Я лежала не в своей растянутой футболке, а в длинной и кружевной ночной рубашке.

Ну просто жуть! Это настоящий кошмар!

Под рубашкой находилось истощённое тело.

И начала ощупывать себя.

Божечки, так легко прощупывались рёбра, да и ключицы торчали, как у голодного с Поволжья.

— Я в шоке, – проговорила вслух, обалдев от состояния моего тела.

Моментально включился врачебный рефлекс, и сразу начала прощупывать щитовидку.

Фух, к счастью, она была не увеличена.

Лимфоузлы тоже не прощупывались, но вот пульс был частый.

Так, а что с давлением?

Ага, а вот давление померить нечем, но по ощущениям, оно сейчас ниже плинтуса.

Затем провела руками по телу, потёрла кожу. М-да, кожа

у меня была сухая, а это явный признак обезвоживания. Ещё и мышечная масса практически отсутствовала.

Судя по всему, организм давно не видел нормального питания и движения.

— Да здесь конкретная дистрофия, — проговорила я и мой голос дрогнул в лёгкой панике. — Ёлки-палки, похоже, ещё и анемия.

И я нервно сглотнула, ведь это только то, что можно было сходу определить, но могут быть и скрытые состояния.

Отогнав панику, снова попыталась сесть, на этот раз медленнее, и у меня получилось. Мир, правда, опять качнулся, но всё же устоял.

Голова кружилась, в висках стучало, и болело вообще всё, что может болеть. Состояние, как при длительном истощении.

Тело ныло, жаловалось и капризничало. Оно явно не привыкло к нагрузкам.

Моему телу было плевать на недосып и переработки, оно работало, как часы.

Это же было телом человека, который давно себя не кормил и, возможно, мало двигался или вообще не выходил из комнаты.

И тут я заметила огромное и в полный рост зеркало. Оно было в тяжёлой деревянной раме и стояло в углу комнаты.

Я встала.

Ноги дрожали, колени подгибались.

Сделала три шага, держась за спинку кровати, потом за кресло, затем за туалетный столик, заваленный какими-то баночками и флакончиками.

Зеркало было мутноватым, старым, с потемневшей амальгамой, но разглядеть себя в нём можно было.

На меня смотрела я, точнее не я, а кто-то очень похожий.

Те же тёмные волосы, только длинные, ниже поясицы и спутанные, безжизненные, серо-синие глаза, но огромные на исхудавшем лице, обведённые синевой.

И скулы мои, только здесь заострились. И губы были бледные и потрескавшиеся.

Моё лицо, мои черты, но словно я помолодела, но при этом пропустила себя через фильтр «истощение, болезнь и отсутствие ухода».

Я подняла руку к щеке, и отражение повторило движение.

— Это не может быть правдой, – прошептала я зеркалу.

Сжала пальцами край туалетного столика.

Дерево было настоящим, прохладным, гладким и с резьбой, которая ощущалась под пальцами.

Запах здесь тоже стоял настоящий и головная боль, чёрт её возьми, тоже настоящая.

— Это не галлюцинация, – пискнула я, и голос дрогнул.

Потому что галлюцинации так не работают.

Они могут быть яркими, детализированными, но они не создают тактильных ощущений с точностью до структуры древесины.

И не заставляют чувствовать холод в ногах и голод в желудке.

Я закрыла глаза, снова открыла, но ничего не изменилось. — Нет, — выдохнула я. — Нет, нет, нет... Не может быть... В панике нет ничего хорошего.

Паника для хирурга, — это враг номер один.

Но когда ты одна, в незнакомой комнате, чужом теле и обстановке, которая кричит о том, что ты оказалась... Где?

Я огляделась.

Комната была большой, с высокими потолками, камином, в котором догорали поленья и тяжёлой мебелью из красного дерева.

На окнах висели гардины с кистями, на полу постелен ковер явно ручной работы.

Это не было похоже ни на музей, ни декорации к фильму, уж слишком много деталей, и много жизни в этих деталях, потёртости на ручке кресла, ещё и пятно на ковре, да выцветшая ткань на одном из стульев.

Это был чей-то старый, богатый и очень запущенный дом.

Я не знала, где я.

Не знала, что произошло, и как мне вернуться.

И вот тогда меня накрыло.

Сердце заколотилось, воздуха вдруг стало мало.

Комната поплыла, но не от слабости, а от ужаса.

Холодный, липкий, животный страх полностью накрыл меня.

Он выключил мозг и включил древние инстинкты, или беги и прячься, и кричи.

Я хотела закричать. Уже открыла рот, но вместо крика из него вырвался какой-то хриплый всхлип.

Меня затрясло.

Руки дрожали, ноги подкашивались.

Я схватилась за столик, чтобы не упасть, и опрокинула одну из баночек. Та покатилась по полу, звеня, как набат.

— Господи, – прошептала я. – Господи, где я? Что происходит?

В голове билась одна-единственная мысль, что это всё сон. И я сейчас проснусь, открою глаза, и будет моя квартира.

Открылась дверь.

Я вздрогнула так сильно, что чуть не упала.

В проёме стояла девушка.

Она была молодая, лет семнадцати, одета в тёмное платье и белый передник.

Лицо у неё было круглое, румяное, глаза огромные, широко и удивлённо распахнутые.

Я в упор смотрела на неё, потому что не знала эту девушку!

— Сударыня! – выдохнула девушка, и голос её задрожал от... радости?

Она бросилась ко мне, и я инстинктивно отшатнулась, но она не обратила на это внимания.

Она схватила меня за руки, сжала их. У неё были горячие, шершавые ладони.

— Сударыня, жива! Радость-то какая! А мы-то думали, что преставитесь скоро! Ох, какое счастье-то!

Она говорила быстро, сбивчиво, с каким-то странным говором, который я слышала разве что в старых фильмах.

Но слова были понятными, и она была настоящей.

— Подождите, – пробормотала я, и голос мой прозвучал едва слышно. – Кто вы?

Девушка замерла, и посмотрела на меня с удивлением, потом с беспокойством.

— Так Дуняша я, горничная ваша. Ох, вы, верно, от слабости забыли? Так и есть, три дня без памяти лежали, мы уж думали, всё! Матушка ваша давеча к гробовщику ездила... Ой, простите меня, дуру, такое говорить-то!

Она засуетилась, подхватила меня под локоть и повела обратно к кровати.

— Ложитесь, сударыня, ложитесь, вам вставать нельзя! Я сейчас, я мигом! И пить вам принесу, и батюшке с матушкой вашим скажу, они велели сразу доложить, как очнётесь или... нет!

— Каким ещё батюшке и матушке? – спросила я, но Дуняша уже выскочила за дверь.

Я осталась сидеть на краю кровати, с силой сжимала край ночной рубашки, будто реально надеялась, что вот сейчас проснусь.

Горничная Дуняша.

Сударыня.

Я опустила взгляд на свои руки. Они были худые, бледные и с длинными пальцами.

Изнеженные руки девушки, которая никогда не держал скальпель, и тело, которое не знало, что такое шесть часов у операционного стола.

— Ёпрст! Это не сон, – выдохнула тихо.

Страх отступил, и я включила мозг. Снова встала, приблизилась к зеркалу и посмотрела на своё отражение.

Внимательно оглядела бледную и измождённую молодую женщину. Она была моложе меня примерно на десять лет.

— Ладно, – прошептала и ей, и себе. – Разберёмся. В конце концов, я хирург или кто? И я привыкла работать с тем, что есть.

И если это не галлюцинация, если всё правда, то... И я глубоко вздохнула.

— Значит, я в прошлом? – спросила у зеркала. – В теле какой-то дворянки?

Судя по обстановке, не бедной, но запущенной.

Истощение, анемия, вегетативка, возможно, у моей предшественницы имелась длительная болезнь, а я наблюдаю уже её последствия.

Провела рукой по лицу.

Так, первоочередные задачи, нужно восстановить водно-электролитный баланс, ещё нужно нормализовать пита-

ние и обязательно исключить инфекционный процесс.

Попутно выяснить, где я, кто я и как мне дальше жить.

— А главное, — добавила тихо, — не сойти с ума.

* * *

В дверь постучали, явно не кулаком, а ногой.

— Войдите, — разрешила я, и голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Дуняша вошла с подносом. На подносе стояла чашка, от неё шёл дым и приятно запахло травами и мёдом.

— Вот, сударыня, отварчику вам принесла, — отчиталась она, ставя поднос на столик. — Докторус велел поить вас сразу, как очнётесь. Ох, и хорошо, что вы снова с нами.

Она вздохнула и улыбнулась мне.

— Дуняша, а сколько я спала?

— Три дня без памяти были. Мы уж и докторуса вызывали, а он сказал у вас слабость великая, нервы расстроены, покой нужен. А какой покой, когда вы...

Она осеклась и закусила губу.

— Когда я, что? — спросила у неё пытливо.

Дуняша замаялась, переступила с ноги на ногу.

— Да будет вам сейчас об этом! Вы поправляйтесь сперва, силы набирайте и...

— Дуняша, говори, — потребовала властно, отчего девушка вытянулась и кивнула.

Заговорила она быстро:

— Да поместье наше, сударыня, совсем разорено! Пока

граф на войне был, родитель ваш, Аркадий Петрович, с матехой вашей, Клавдией Семёновной, всё из дому повывозили, и прислугу распустили, хлеб из амбаров... Ох, горе-то какое! А граф-то Воин Иванович воротился с войны, да не сам...

Она всхлипнула.

— На носилках его привезли. Ноги не ходят, глаза не видят, и такой он страшный, а уж злой... На вас накричал, когда вы рыдать начали. Вы без сил упали и с тех пор вот...

Она замолчала.

Я смотрела на неё, и где-то в глубине сознания щёлкал счётчик. Так, граф, война, разорённое поместье, алчные родственники и муж-инвалид.

— Так я замужем? – обалдела от новостей.

Дуняша уставилась на меня с таким видом, будто я спросила, не летают ли свиньи.

— Так вы, сударыня, почитай, уж два годика, как замужем. За графом Михайловым Воином Ивановичем.

— Воином? – переспросила я. – Его зовут Воин?

Есть такие имена?

— Ну да, сударыня. Имя у них такое. От деда пошло, называют, воевода был. А ваше Анастасия Аркадьевна, коли и себя позабыть успели.

Я поднесла чашку с отваром к губам.

— Дуняша, – проговорила я, сделав глоток. – Ты говоришь, граф вернулся с войны с ранениями?

— Да, сударыня.

— Он сейчас здесь? В доме?

— В своих спальнях. Вас к нему водили, как он приехал.

Вы плакать горько начали, а он на вас как закричит! А ноги-то у него не ходят, вот он и осерчал пуще прежнего. Вы так плакали, так плакали, а он орёт и орёт. Вот вы и упали, и вот...

— Понятно, – вздохнула я.

Я допила отвар и поставила чашку.

— Дуняша, мне нужно одеться.

— Ох, сударыня, да куда ж вы? Вам лежать надобно!

— Мне нужно увидеть мужа.

Дуняша открыла было рот, чтобы возразить, но я внимательно посмотрела на неё. И девушка замолчала.

— Платье подай, – произнесла я. – И дай что-нибудь, чтобы волосы убрать.

Дуняша кивнула и вышла.

А я осталась сидеть на краю кровати, и думала о том, что только что узнала.

Значит я – Анастасия Михайлова, жена графа, который вернулся с войны калекой.

Поместье разорено, а родственники, похоже, те еще змеи.

И моё новое тело, судя по всему, не просто истощено, оно доведено до ручки.

Но это всё обсудим и увидим потом, а сначала у нас будет осмотр пациента.

Я усмехнулась.

Ну конечно, даже в непонятно, где, непонятно, когда и непонятно в чьём теле, я всё равно остаюсь врачом.

— Граф Михайлов, – пробормотала я, разглядывая свои бледные пальцы. – Сейчас мы с вами познакомимся.

Глава 2

* * *

— Анастасия —

Дуняша явилась не с платьем, а с целым ворохом одежды.

— Зачем так много? – удивилась я.

— Сударыня, к мужу вам надобно подобающе одеться, – прощепетала она, бросая на кровать разноцветные тряпки.

Я посмотрела на этот ворох с ужасом.

— Это всё надо надеть?

Дуняша засмеялась. Очень искренне, как смеются над маленькими глупыми детьми.

— Ох, сударыня, что вы! Это только нижнее. Сейчас мы вас в рубашку, панталоны, юбки и в корсет...

— В корсет? – переспросила я. Голос, кажется, дрогнул.

— Ну как же без корсета, сударыня?

Я хотела сказать, что мои внутренние органы за последнюю смену и так пережили достаточно стресса, чтобы я ещё сдавливала их корсетом.

Но потом вспомнила, что здесь я не совсем я, точнее, вообще теперь другая я.

Дуняша уже развернула первый слой, и спорить было поздно.

— Начинаем, – сказала она с энтузиазмом, от которого у меня заныли зубы.

И понеслось.

Сначала была тонкая и короткая рубашечка на бретельках, к ней шли длинные, кружевные панталоны с завязками на талии.

Я натянула их, чувствуя себя клоуном в нелепом костюме.

Теперь мои ноги напоминали ножки пуделя в юбке.

Следующим слоем пошла рубашка.

Первая. Она была из тонкого льна, длинная, почти до щиколоток, с вышивкой на вороте.

Следом была вторая рубашка, более плотная, с длинными рукавами и манжетами.

— Ещё одна рубаха? – спросила я, чувствуя, что начинаю походить на луковицу.

— А это уже по теплу, сударыня. Весна на дворе, забыли что ль? Пока холодно.

Я не забыла.

Я вообще ничего не помнила, включая то, какой сейчас год, и на какой планете я нахожусь. Но спорить не стала.

Дальше пошёл корсет.

О, этот корсет.

Дуняша подошла ко мне сзади, приложила к спине жесткую конструкцию из китового уса и стальных пластин, а потом начала затягивать шнуровку.

— Осторожнее, – сказала я, когда она сделала первый рывок.

— А вы вдохните поглубже, сударыня!

Я вдохнула и она затянула. А выдохнуть уже не смогла!

— Дуняша, – просипела я. – Ты меня убить хочешь?

— Да что вы, сударыня! Это только на два пальца, ещё на два нужно! Выдохните!

— Если ты затянешь ещё на два, я задохнусь и точно умру... Вот все обрадуются.

Она ахнула от моих слов, но затянула ещё сильнее.

Я почувствовала, как мои внутренности собираются в жалкую кучку где-то под горлом, и глаза сейчас вылезут от орбит.

— Готово! – сказала она радостно.

Я попробовала дышать. Получилось плохо. Дышать тут – переоцененная функция, как выяснилось.

— Теперь наденем юбки, – объявила Дуняша.

Юбок было три. Первая – нижняя, из грубого полотна. Вторая была из хлопка и с оборками. Третья – верхняя, из тяжёлого шёлка, тёмно-синего, почти чёрного и нашлёпкой на зад.

И я стала похожа на утку.

Я стояла, раскинув руки, а Дуняша натягивала на меня эти бесконечные слои, завязывала тесёмки, застёгивала крючки, прикалывала булавки.

— Сколько это весит? – спросила я, когда она наконец закончила.

— Пустое, сударыня. Один пуд, не больше.

Один пуд?

В переводе на нормальные единицы – это килограммов шестнадцать.

— Дуня... я сейчас упаду, – честно призналась я.

— Не упадёте, сударыня. Вы ослабли, но снова привыкнете.

Я посмотрела в зеркало. Из него на меня смотрела женщина в пышном тёмно-синем платье, с кружевным воротником, длинными рукавами и пышным задом из-за наплёчки.

Волосы Дуняша собрала в пучок на затылке, заколола гребнем.

— Красавица, – сказала она с гордостью.

— Я похожа на многослойный торт, – простонала я.

Дуняша лишь головой покачала.

* * *

Мы вышли из спальни. Коридор был длинным, тёмным, с высокими потолками и картинами на стенах.

Пахло сыростью и старым деревом.

Я шла медленно.

Во-первых, мне дико мешал корсет. Во-вторых, тяжёлые юбки тянули меня к земле. В-третьих, слабость ещё не прошла, и ноги подкашивались после каждого шага.

— Далеко идти? – спросила я.

— Так рядом, сударыня. Спальня графа смежная с вашей. Вам ли не знать?

Я промолчала. Мне ли не знать? Мне вообще ничего не знать. Я здесь как слепой котёнок, которого бросили в незна-

комый дом.

Дуняша остановилась перед тяжёлой дубовой дверью. Постучала.

— Кто? – раздался голос. Низкий, грубый.

— Ваше превосходительство, это Дуняша. Супруга ваша пришла.

— Очнулась уже? – услышала я разочарованное. – Пусть уходит. Не желаю её видеть.

Дуняша растерянно посмотрела на меня.

Я кивнула. Она осторожно открыла дверь и посторонилась, пропуская меня вперёд.

— Подожди здесь, – сказала ей шёпотом.

— Ох, сударыня, а вдруг он...

— Не волнуйся.

Дуняша заволновалась, но кивнула и осталась за дверью.

* * *

Комната была большой, с высоким потолком и огромным камином, в котором горели дрова.

Пахло берёзой, дымом, кожей и мужчиной. Хороший запах, которого я не чувствовала уже очень давно.

Граф сидел в кресле у камина вполоборота.

Он был огромный. Даже сидя, он казался выше меня.

Широкие плечи, массивная грудь, руки, которые лежали на подлокотниках, как кувалды на наковальне.

На нём был синий домашний халат – длинный, стёганный, с позументами.

Ноги вытянуты, лежали на банкетке, обмотаны какими-то серыми тряпками.

На глазах – повязка из светлой, но грубой ткани.

В правой руке он держал охотничий нож с широким лезвием и костяной рукояткой.

И виртуозно крутил его. Лезвие мелькало в свете камина, отбрасывая блики на стены.

Я сделала шаг, второй. Юбки шуршали.

— Кто здесь? – спросил он, не поворачивая головы. – Прощка, ты? Подай мне сбитня.

Голос у мужчины низкий, даже грубый, с хрипотцой. Такой голос бывает у людей, которые много кричали – на войне, плацу или ветру.

Я оглянулась. Никакого Прощки не было. На столике у камина стоял кувшин и стакан.

— Прощка? – повторил он, и в голосе появилось раздражение.

Я медленно подошла к столику, налила густого напитка. Запахло мёдом и пряностями.

— Протяните руку, – сказала я. – Подам вам сбитень.

И тут случилось то, чего я не ожидала.

Он резко повернулся всем корпусом в мою сторону.

Да это просто огромный медведь!

Честное слово.

Тёмные волосы с лёгкой проседью, длинные, ниже плеч, были собраны в низкий хвост. Щетина у него густая, чёрная..

Он давно не брился, и это ему шло, но явно мешало: он то и дело морщился, будто волоски кололи его самого.

Скулы острые, как отшлифованные ветрами скалы.

Нос с горбинкой.

Губы сжаты в тонкую линию.

И повязка на глазах скрывала половину лица.

— Уйдите вон, Анастасия Аркадьевна, – прорычал он и сжал рукоять ножа так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Я поставила стакан на столик, спокойно и не торопясь.

— Но я... – начала я.

— Пошла вон! – рявкнул он, уже не сдерживаясь.

Голос прокатился по комнате, как гром.

— Вы ненавидите меня лютой ненавистью, но внезапно пришли? Отчего? Поглумиться над моей немощью? Посмотреть, как герой войны превратился в калеку?

Он дёрнул ногами, обмотанными тряпками. Ноги не слушались. Они просто дёрнулись и замерли. Лицо его исказилось от сильной боли, злости и унижения.

О, да тут гордость страдает так, что мама не горюй.

Я видела таких пациентов. Много раз.

После инсультов, аварий и ранений. Сильные мужчины, которые привыкли быть первыми, а потом вдруг оказываются прикованными к постели, зависимыми от чужой помощи.

Они злятся на всех: на врачей, медсестёр, жён и на саму судьбу. Но больше всего – на себя.

Я не обижалась на них, а лечила.

— Не хорошо грубить женщине, да ещё жене, – произнесла я ровным тоном, каким разговаривала с самыми буйными пациентами. – Между прочим, я пока в беспамятстве была, с высшими силами поговорила, уму-разуму набралась.

Он замер. Нож в его руке перестал крутиться.

— С кем?

— С высшими силами, – повторила я твёрдо. Ну, надо же мне как-то объяснять собственное резкое просветление и разумение. – Меня они, э-э-э, знахарскому делу просветили. В общем, я пришла мириться и помогать вам. Мне муж нужен, чтобы помог тут порядки навести.

Тишина. В камине треснуло полено.

— Ты... – начал он, но я перебила.

— Дуняша сказала, что мои родственнички-уродственнички твой, точнее, наш дом почти разорили. Так что давайте начнём сначала.

Я терялась, как с ним общаться правильно? На «ты» или на «вы»?

Он откинулся на спинку кресла. Медленно, словно не веря своим ушам (вернее, не веря тому, что слышит).

— Что с тобою стало? – спросил он тихо. – Чай, ты головой сильно ударилась, когда упала? Или тебя нечисть какая цапнула, пока ты без чувств валялась?

— Головою может, и стукнулась, – пожала я плечами. – А про нечисть не знаю, без чувств была.

Я подошла к креслу напротив и присела.

Юбки взметнулись, как облака, и я на секунду испугалась, что застряну в этом кресле навсегда. К счастью не застряла. Но дышать стало ещё тяжелее. Чёртов корсет!

Взяла стакан со сбитнем, отпила.

— Ммм... вкусно как, – сказала я вполне искренне. – Будете пить или нет?

Он протянул руку.

Я вложила в неё стакан.

Он сделал глоток. Потом ещё один.

— Так зачем вы пришли, Анастасия Аркадьевна? – спросил он спокойно, но всё ещё с раздражением. – Только прошу вас отвечать честно.

Я вздохнула. Честно, так честно.

— Хочу помочь вам встать на ноги и снова видеть. И хочу помочь себе обрести... мужа. Говорят, я плохо себя вела поначалу. Плакала. Унылая ходила...

Я умолкла.

На самом деле я понятия не имела, какой была Анастасия до меня.

Дуняша сказала «плакала», значит, плакала. Но что ещё?

Может, она кидалась в мужа тапками? Может, пряталась под кровать? Может, каждое утро писала доносы на него в какую-нибудь Тайную канцелярию? Или вообще может, изменяла с конюхом?

— А теперь вы резко вспылали ко мне чувствами? –

спросил он с горькой усмешкой. – Три дня в беспамятстве – и вдруг любовь до гроба?

Я посмотрела на этого огромного медведя, который сидел в кресле, выдавший ужас войны, и тоскующий по нежности и ласке, и он снова крутил в руках нож, словно это был последний островок его мужской силы.

И я вспомнила вдруг книгу про Анжелику и Жоффрея.

Там была сцена, я помнила её смутно, читала когда-то в подростковом возрасте.

Анжелика сначала не любила Жоффрея поначалу, боялась его. Считала чудовищем. А потом...

Потом всё изменилось. Она была с ним честна, как и он с ней.

Я выпрямилась в кресле. Корсет меня жутко бесил и мешал.

— Граф Воин Иванович, – произнесла я, глядя прямо на него (на повязку, закрывающую глаза, но он должен был чувствовать мой взгляд). – В данный момент не питаю к вам никаких чувств. Но это пока. Я вас настоящего не знаю. А вы не знаете меня. Ту Анастасию, которую вы взяли в жены, больше нет. Считайте, что она умерла.

Он молчал.

— Перед вами сидит другая женщина, – продолжала я. – Которая видит в вас не инвалида и не обузу. Которая видит мужчину, которому она может помочь встать на ноги. Это не любовь, граф. Это сделка. Взаимовыгодное партнёрство. Я

помогу вам, вы защищаете меня от родственников и прочей шушеры. А там... ну, там посмотрим.

И хотя глаз его было не видно, я чувствовала, как тяжело, пристально он смотрит сквозь повязку.

— Ты... — сказал он, и голос его сел. — Неужели не врешь?

— Я не умею врать. И не верю ложь во спасение. Отныне я другая. Побывав на грани жизни и смерти, я изменилась. Очень сильно. Так сильно, что вы удивитесь.

Кажется, он понял главное.

— Кто надо мной смеётся? — спросил он тихо, но гневно.
— Кто подстроил эту шутку?

Глава 3

* * *

— Анастасия —

— Никто не смеётся, – ответила растерянно. – Я просто очнулась и поняла, что плакать и жалеть себя – это больше не про меня. По жизни я боец, граф.

Он молчал так долго, что я уже нервничать начала.

— Прощка! – рявкнул он вдруг так мощно и грозно, словно не человек он, а бешеный медведь. Я даже подскочила в кресле. – Прощка, живо сюда!

Потайная дверь распахнулась.

Вбежал молодой парень лет восемнадцати.

— В-ваше превосходительство? – пролепетал он. – З-звали?

— Иди сюда, – приказал граф. – И скажи мне, кто сидит передо мной?

Прощка подошёл, голова опущена, взглянул на меня исподлобья.

— Так... графиня... Анастасия Аркадьевна, супруга ваша...

— Ты уверен?

— Как не быть уверенным? – Прощка явно не понимал, что происходит. – Она это. Точно она. Только... другая немного.

Я напряглась и нахмурилась.

— Другая? – переспросил Воин.

— Ну да. Обычно она всё плачет, да плачет, а нынче сидит и смотрит... Ну прямо как ваше благородие. Строго так, страшно даже.

Граф задумался, потом махнул рукой:

— Ступай.

Проща вылетел за дверь быстрее, чем я успела моргнуть.

— Что ж, – сказал граф медленно. – Стало быть, ты голову мне морочишь.

Начина-а-ается.

— Глупости это. Мне не выгодно морочить вам голову, – сказала в ответ. – Я вам дело говорю, а вы не верите...

Мужики они и в Африке, в смысле и в девятнадцатом веке мужики. Не верят женщинам.

— И ты утверждаешь, что поможешь мне встать на ноги и зрение вернёшь?

— Я ничего не утверждаю, не посмотрев. Я говорю, что попробую. Если ты позволишь.

— Думаешь, я тебе позволю?

Я пожала плечами. Потом вспомнила, что он не видит, и сказала:

— Тогда я буду лечить тебя без твоего позволения. Усыплю отваром и буду делать что нужно. Как тебе такой вариант?

Он хмыкнул.

Звук вышел и забавный, и угрожающий.

— Ты что-то и правда, осмелела, — сказал он. — Или окончательно поглупела.

— Думаю и то, и другое, — согласилась с ним. — Но в моей профессии без смелости нельзя.

— В какой профессии? — насторожился он.

Я открыла рот. И закрыла.

Ой, я дура-а-а.

— Знахарство, — проговорила осторожно. — Я же говорила, что высшие силы мне знания дали...

— Знахарство, — повторил он скептически. — Графская жена резко стала знахаркой? Шутки шутите?

— Никаких шуток в отношении здоровья. Слово даю. И вообще, мы друг друга стоим, не так ли? Вы граф с болячками, а я графиня со знаниями, как вас вылечить. Здорово же.

Он хмыкнул снова, на этот раз чуть теплее.

— Что ж, Анастасия Аркадьевна, поживём, увидим. Но если ты вздумаешь меня обмануть...

Он снова сжал нож.

— Не вздумаю, — ответила уверено. — Мне врать незачем. Мне муж живой и здоровый нужен, а мёртвый мне не помощник.

— И это твоя главная причина?

Я подумала.

Нет, не главная.

Главная была в том, что я, на минуточку врач.

И видеть пациента, который нуждается в помощи, но не

получает её – это для меня хуже любой пытки.

Но говорить ему об этом не стала. Ещё отправит... в монастырь.

— Пока да, – сказала я. – А там видно будет.

Он кивнул.

— Тогда осмотри меня, знахарка. Посмотрим, на что ты способна и как быстро ты убежишь, увидев страшные раны, и ощутишь их зловоние.

Я встала. Юбки зашуршали, корсет больно впился в рёбра. Непривычно мне было, ох непривычно.

— Для начала, – сказала я, – сними повязку.

— Зачем?

— Хочу посмотреть на твои глаза.

Я окончательно перешла с ним на «ты».

Выкать супругу? Да ну на...

— Боюсь, ты ничего не поймёшь.

— Давай, посмотрим сначала, – настаивала на своём.

Он помедлил.

Потом поднял руку и стянул повязку.

Я осмотрела его глаза.

Они были тёмными, точнее, карими, почти чёрными и мутными. Как будто затянуты белесой плёнкой. А ещё гноились.

Прелестно.

— Бельма, – сказала я тихо.

— Да, – кивнул он. – Доктора сказали, что всё бесполезно,

зрение не вернуть. Света не вижу, только тени.

Я наклонилась ближе, осторожно взяла его за подбородок и повернула голову к свету.

— Головой только не дёргай, – попросила я, когда он попытался вырваться. – Воин, я не кусаюсь.

Он замер.

А я внимательно осмотрела его глаза, насколько это было возможно при свете камина и свечах.

— Ещё и гнойное воспаление, – вздохнула длинно. – Доктора лечили видимо, не тем.

— Чем же надо? – хмыкнул он раздражённо.

— Очистить надо. Потом противовоспалительные подключить, кератопротекторы, физио, правильный режим. И самое главное время.

— Кера... что?

— Это такие... снадобья, – нашлась я. – Сильные. Для восстановления роговицы глаза.

Только один вопрос, а есть ли тут хоть что-то из медикаментов?

Пока отогнала эту мысль. После подумаю.

Я выпрямилась.

Посмотрела на его ноги, обмотанные серыми тряпками.

— Теперь ноги. Что с ними?

— Пуля, – коротко ответил мужчина. – Попала в позвоночник, шальная дрянь. Полгода назад случилось. Доктору-сы сказали, что никогда не встану.

— Докторы — дураки, — сказала я спокойно. — Поверь, ты встанешь.

Он поднял на меня свои мутные глаза.

В них не было надежды, но был интерес.

— Ты стала странная, — подметил он. — Совсем не похожа на себя.

— Вот с этого момента запоминай нового человека. Настя Михайлова, новая версия. С расширенным функционалом и повышенной живучестью.

Он не понял половины слов, но улыбнулся.

А я подумала, что первый контакт налажен.

И прогноз... осторожно оптимистичный.

Только потом я вспомнила, что понятия не имею, как буду делать операцию в этих условиях и что вряд ли хоть один, даже самый захудалый доктор позволит занять его операционную и воспользоваться его инструментами и лекарствами.

Так, значит, первым делом, надо обзавестись личными инструментами хирурга.

И озаботиться тем, на каком уровне здесь медицина!

Живот мой издал слабый звук, что неплохо бы и покормить его...

Но чтобы что-то съесть, придётся избавиться от корсета. Не представляю, как дамы ели и пили в этих пыточных устройствах.

— Поужинаем вместе? — предложила я. — Что-то есть захотелось.

— Поужинать? – удивился Воин. – Так поздно уж...

— Ну и что? Есть-то хочется... Может, хоть перекусим...

Тем более, я без чувств три дня валялась, представь, какая я голодная.

— Хорошо, прикажу Прощке...

— Да-да, прикажи, а я пока сбегая к себе, вернусь через минуту! Не теряй!

Вылетела из его спальни и шикнула Дуняше.

— Милая моя, сними с меня корсет, иначе я сейчас умру. И я сейчас буду ужинать с мужем, в корсете это невозможно...

— Но...сударыня, как неприлично-то...

— Дуня! Делай! – рявкнула я, ощущая, как моё новое тело нещадно страдает и я вместе с ним.

* * *

Дуняша вздохнула тяжело, словно поняла, что сударыня окончательно тронулась умом и принялась распускать шнуровку.

— Ох, сударыня, – причитала она, – что ж о вас люди-то скажут? Что ж вы без корсета-то к мужу? Это ж срам!

— Дуня, – просипела я, когда последний шнурок был отпущен, и я наконец-то смогла сделать полноценный вдох, – какой срам? Он муж мне или незнакомый дядя с улицы? Я вообще-то перед ним нагишом имею полное право ходить...

Девушка ахнула и густо покраснела.

И я решила, что лучше мне больше молчать, но вряд ли

смогу.

Я скинула корсет с таким наслаждением, будто сбросила с плеч тонну кирпичей.

Грудная клетка расправилась, лёгкие наполнились воздухом, и мир заиграл новыми красками.

— Платье-то хоть наденьте сверху, – взмолилась Дуняша, а то и правда решит, что голая к мужу пойду.

— Надену, надену, – отмахнулась я, натягивая верхнее платье прямо на сорочку. Корсета не было, и я чувствовала себя свободной, как птица.

Вернулась в спальню мужа.

Прошка уже накрывал на небольшой столик у камина.

Неловко расставлял тарелки, хлеб. Поставил кувшин с чем-то мутным.

— Быстро ты, – заметил Воин, когда я сказала, что вернулась.

— Я быстрая, когда есть мотивация, – ответила, усаживаясь в кресло напротив него. – Что у нас на ужин?

— Щи вчерашние, но без мясу. Бульон на костях делали, – буркнул Прошка. – Каша гречневая, да сбитень. Больше ничего нету.

— А мясо, куда делось? – спросила, чувствуя, как голодный желудок начинает вырабатывать соляную кислоту в промышленных масштабах.

— Родитель ваш, Аркадий Петрович, мясо извели, – ответил Прошка с горечью. – Последнего барана вчера зареза-

ли. Вас, простите, сударыня, поминать собирались.

— Кого поминать? – не поняла я.

— Тебя, – сказал Воин мрачно. – Три дня без памяти – это не шутки. Родственнички уже стол к поминкам готовили.

— Обалдеть, – вырвалось у меня.

Прошка глаза выпучил.

Воин нахмурился.

— Что значит охренеть? – спросил Прошка.

— Это... э-э-э... медицинский термин, – нашлась я. – Означает крайнюю степень удивления и негодования.

— Странные у тебя термины, – заметил Воин мрачным тоном.

— Я вообще странная, – согласилась я, разливая по тарелкам щей, себе и Воину. – Привыкай.

Я ела быстро, жадно, не стесняясь.

Щи были сильно жидкими, каша пресной, но для организма, который три дня не видел нормальной еды, это было пиршество.

Воин молчал.

Я чувствовала его тяжёлый взгляд сквозь повязку.

— Ты сильно изменилась, – сказал он.

— Ты уже это говорил.

— Нет, ты не понимаешь, – он ничего не ел. – Ты боялась ложку не так взять. И ела как птичка, очень скромно. А сейчас ты ешь, как солдат после марш-броска. Хлебаешь громко, чавкаешь. Ты сама не своя.

— Солдаты хорошо едят? – спросила с набитым ртом, пропуская мимо ушей самое главное.

— Солдаты едят быстро, – ответил он. – Потому что не знают, когда будет следующий раз. И потому что служба не ждёт.

Я замерла и ложка повисла в воздухе.

И так понятно, что палюсь по полной программе.

Похоже, настанет момент, когда придётся рассказать этому мужчине всю правду.

Но не сейчас.

Чтобы огоршить его тем, что я вообще из другого времени, возможно, из другого мира, нужно с ним подружиться.

В идеале, он должен любить меня и боготворить.

Для этого я просто обязана вернуть ему здоровье. Тогда он станет моим со всеми потрохами.

— Спасибо, что дал мне поесть, как мне того хотелось, быстро и не задумываясь о приличиях, – проговорила виновато. – Давай теперь тебя покормим, а?

— Я сам, – сказал он резко и потянулся к приборам, случайно смахнул со стола стакан.

Я вздохнула и сказала:

— Нет ничего зазорного в том, чтобы принять помощь. Это не делает тебя слабее и менее значимым. Просто позволь мне...

Он раздул гневно ноздри, но, вдруг кивнул.

И я покормила этого мужчину.

Он ел вдумчиво, но тоже быстро.

Мы молчали.

Только дрова трещали в камине, за окном шумел ветер, и где-то далеко лаяла собака.

После этого странного ужина, Воин попросил меня оставить его.

Он кривился, часто дышал. Я видела, что ему очень больно.

Но я пока ничего не могла сделать.

Ещё понимала, что осмотреть его всего целиком, будет непросто.

Уже представляю, какая у нас будет война за то, чтобы он разделся передо мной и позволил исследовать и прощупать каждый участок его тела.

Наверное, меня сразу отправят на казнь.

М-да.

Придётся придумать тактику общения.

А ещё «попытать» Дуняшу о том, где я вообще живу?

Тут женщина хоть какое-то место занимает?

Надеюсь, место это, не где-то между табуреткой и плинтусом.

Глава 4

* * *

— Анастасия —

Вернулась к себе в разобранных чувствах.

Дуняша уже ждала меня, стояла как солдат у туалетного столика.

На столе стоял таз, кувшин с водой и лежало хлопковое полотенце.

Она помогла мне раздеться и через минуту я стояла в одной сорочке, чувствуя себя голой, но счастливой.

— Садитесь, сударыня, – Дуняша пододвинула стул к столу. – Умою вас.

Я села.

Она налила воду в таз, намочила полотенце и начала осторожно вытирать мне лицо.

Вода была прохладной, и это было приятно.

— Дуняша, милая, – проговорила я, когда она закончила вытирать мне лицо и принялась распускать волосы. – Я могу доверить тебе одну страшную и очень важную тайну?

Дуняша замерла. Её глаза в зеркале стали круглыми, как тарелки.

— А как же, сударыня! – закивала она часто-часто. – Вы всегда мне всё рассказываете! Клянусь вам жизнью, что никому и никогда не выдам вас!

— Ох, благодарю, — улыбнулась ей.

Она взяла щётку и начала водить по моим волосам.

Медленно, осторожно.

Голова загудела от удовольствия. Я и глаза прикрыла.

— А тайна моя вот какая... — начала я и замолчала, собираясь с мыслями.

Дуняша замерла с щёткой в руке.

— Видишь ли, я побывала между жизнью и смертью, — произнесла тихо. — Меня высшие силы знаниями наградили, но за это плату высокую взяли.

— Ох, правда, что ль? — выдохнула Дуняша.

— Правда, Дуня, — сказала строгим тоном хирурга.

Дуняша чуть щётку не выронила, когда встретила со мной взглядом в зеркале.

Сглотнула.

Глаза у неё были такие, будто она сейчас либо упадёт в обморок, либо побежит звать батюшку.

— К-какую плату с вас взяли? — спросила она дрожащим голосом. — И отчего вы думаете, что то высшие силы были? А вдруг это тёмные силы баловаться решили?

Я покачала головой.

— Это знания о здоровье человека. Как помогать, как лечить. Такие знания от недобрых сил не приходят.

— О-о-о... — протянула она озадаченно и явно мне не поверила. — Ну, если от высших... то, может, и ладно...

— А плата за это... память моя, — выдала я.

— Как это... память? — переспросила Дуня, и в её голосе появилось недоумение.

— А вот так, — вздохнула я и развела руками, мол, сама знать не знаю, как так вышло. — Кроме имени своего ничего не помню. Потому и прошу тебя, милая, расскажи мне обо всём с самого начала. Точнее, с самого моего рождения и до сего дня. Поможешь мне вспомнить?

Дуняша замерла. памятником самой себе. Я даже нервничать начала.

— И ещё... Ты же сохранишь мою тайну? — добавила, глядя на неё в зеркало самым честным взглядом, на который была способна.

Дуняша опустила щётку, взяла прядь моих волос и начала медленно и задумчиво заплетать косу, будто собиралась с мыслями.

— Ну что ж, сударыня, — заговорила она. — Расскажу. Только вы уж не перебивайте, а то я собоюсь.

— Не перебую, — пообещала ей. — Я слушаю.

Дуняша вздохнула и начала.

* * *

— Родились вы, сударыня, в графской семье Шумиловых, — сказала она торжественно. — Батюшка ваш — Аркадий Петрович, а матушка — Есения Михайловна. Матушка ваша графского рода, а батюшка из купцов. Жили они, как в сказке. И дом полная чаша, и любовь между ними, вы у них долгожданное дитя...

Я слушала, затаив дыхание.

— А потом, когда вам два годика было, – голос Дуняши дрогнул, – матушка ваша померла. Странно как-то вышло. Она ездила на лошадях отлично, лучше многих мужчин. А в тот день лошадь её понесла, она упала и разбила голову о камень. Так и покинула этот мир.

Дуняша перекрестилась.

— Царствие ей небесное.

— А что значит «странно померла»? – переспросила я.

— А то и значит, сударыня. Лошадь была выездная и вдруг, да понесла. Многие говорили, что неспроста это. Но кто ж теперь правду узнает?

Она помолчала, заплетая косу дальше.

— С тех пор и начались беды. Батюшка ваш, граф Аркадий Петрович, словно подменили его. Стал сдавать. Забывался в питье, в карты играл. О вас совсем позабыл. Вы росли сами по себе, как трава в поле. А он тем временем половину состояния в карты продул.

— Половину? – обалдела я.

— Половину, сударыня, – кивнула Дуняша. – Хорошо хоть не всё. Но и то, что осталось, скоро нашлось кому прокутить.

Она тяжело вздохнула.

— А потом появилась Клавдия Петровна. Нынешняя ваша матушка. Без роду и племени, круглая сирота. Но глазки такие, ах как стрельнёт им, и любой мужчина её. Точно вам

говоря, она окрутила и охмурила вашего батюшку. Замуж шустро за него выскочила, а он на тот момент превратился в безвольного совсем уж. Что жена скажет, то он и делает.

— И что же она сделала? – спросила я, хотя уже догадывалась.

— А всё, сударыня, – ответила Дуняша мрачно. – Благодаря Клавдии Петровне состояние Шумиловых и вовсе испарилось. Даже ваше приданое и девичья доля для брака были истрачены. Более того, в долги граф залез. Ох и огромные долги.

— Замечательно, – проворчала я. – Просто замечательно... М-да.

— Вы не перебивайте, сударыня, – напомнила Дуняша. – Я ещё не закончила.

Она заплела косу, завязала ленту и отошла на шаг, любуясь своей работой.

— Образование вы получили домашнее, – продолжила она. – Буквы знаете, на других языках немного говорите, на фортепиано бренчите. Росли вы красивая, но несчастная. Мира и людей не знали. Сидели в своей комнате, читали романы. Тайком, потому что мачеха не велела. *«Глупости это»*, – говорила она. А вы всё равно читали и мечтали о большой любви. О такой, как в книжках...

Я вздохнула.

Бедная девочка. Сидит в четырёх стенах, мечтает о принце на белом коне, а рядом кружат мачеха-стерва и отец-тряп-

ка.

— Но любви не случилось, – сказала Дуняша. – Долги надо было отдавать и жить как-то. И тут подвернулся купец Михайлов. Воин Иванович.

Она произнесла это имя с каким-то особенным уважением.

— Он из простой, но богатой семьи. Отец его торговал лесом, а сын евоный, Воин Иванович, пошёл по военной части, выслужился, получил чин, а потом и дворянство. Но ему очень нужен был графский титул, и чтоб наследуемый. Для продвижения по службе, сказывают. И он согласился на предложение Шумиловых взять вас замуж.

— То есть я была приложением к титулу? – спросила я.

— Не поняла, сударыня?

— В обмен на титул он оплатил долги Шумиловых и обеспечил их, – перевела на понятный язык.

— О, верно, сударыня, – кивнула Дуняша. – Сказать, что вы были в горе, – это ничего не сказать. Вы рыдали и до свадьбы, и во время свадьбы, и даже после.

— Рыдала? – скривилась я. – Прямо во время свадьбы?

— Да, сударыня. Свекровь ваша, матушка Михайлова, тогда ещё жива была, но через год померла, но тогда три дня головой трясла и говорила, что такого позорища в их роду ещё не бывало.

Я представила эту картину.

Бедная девочка в красивом белом платье, трясётся вся,

лицо в слезах, стоит под венцом, а жених, ну просто огромный медведь с мрачным лицом, смотрит на неё с недоумением и раздражением.

— А в брачную ночь что-то было? — спросила осторожно. Дуняша замялась и покраснела. Переступила с ноги на ногу.

— Ну, сударыня... я не знаю, что там было или нет... Но вы утром плакали. Очень-очень сильно. А граф был мрачнее тучи. С тех пор вы в одной спальне не спали. И вообще...

— Что вообще?

— Я сомневаюсь, сударыня, — прошептала Дуняша, — что у вас что-то было в ту ночь.

Я тоже начала сомневаться.

Медведь, конечно, зверь, но не насильник же.

Скорее всего, он увидел рыдающую истеричку, плюнул и ушёл спать в другую комнату.

А потом уехал на войну, чтобы не видеть этого кошмара.

— А когда началась война с западом, — продолжила Дуняша, — Воин Иванович и предположить не мог, что за короткое время чета Шумиловых приберёт его богатство к рукам и разорит его!

— То есть мои папаша и мачеха разорили мужа? — уточнила я.

— Таки да, сударыня, — кивнула Дуняша. — Пока граф воевал, они хозяйничали здесь как у себя дома. Прислугу распустили, добро повывозили, новых долгов набрали. А вы...

ох, вы только плакали и не могли ничего сделать.

— Потому что была несчастная, — закончила я за неё.

— Угу.

— А граф об этом знает, что он теперь гол как сокол?

— Знает. Как не знать, — вздохнула Дуняша. — Да и он теперь инвалид, что сделать-то может?

Дуняша вытерла глаза уголком фартука.

— И ещё более он не предполагал, что станет таким... — добавила она тихо. — Никто не предполагал.

Мы помолчали.

Я сидела перед зеркалом, смотрела на свою косу и переваривала информацию.

Бедная девочка. Родилась в богатой семье, потеряла мать, выросла без любви, нормального образования и без какой-либо надежды на светлое будущее.

Её продали за титул, как вещь.

Мужу не нужна. Родственники — хищники. А она просто кукла, которая умеет только плакать.

Класс.

* * *

— Дуняша, — заговорила я шёпотом. — А что, у меня совсем никого не было, кто бы меня любил? Подруга? Няня? Кошка? Хоть хомяк...

Дуняша задумалась.

— Няня ваша, Марфа Степановна, померла два года назад, — сказала она. — Только я и осталась у вас. А больше ни-

кого.

— И ты присматривала за мной, – кивнула я. – Спасибо тебе, милая.

— Да что вы, сударыня, – смутилась Дуняша. – Я ж вам как сестра. Я ж за вас... Только сложно было. Вы совсем не ели, всё время в печали, да в печали... Говорить не желали... Судьба у вас... Эх...

Я вздохнула. Мне было жаль мою предшественницу.

Ни характера, ни воли.

А откуда им взяться, раз воспитывали затворницей и клушей?

— Потому и тайну тебе доверила, что ты мне как сестра, Дуня. Хорошая ты, добрая, – бросила ей леща.

Она разулыбалась и кивнула, соглашаясь.

Я повернулась к ней на стуле, взяла её за руки.

— Но слушай меня внимательно. Я больше не та Анастасия, что была раньше. Побывав на грани жизни и смерти, я сильно изменилась, я другими глазами на весь мир теперь смотрю, и больше не умею плакать, да жалеть себя. Я умею действовать, и знаешь, что?

— Не-а, – мотнула она головой.

— Я вытащу этот дом из задн... из ямы. А графа поставлю на ноги, слышишь? Но для этого мне нужна твоя помощь, Дуня. Ты ведь со мной?

Дуняша смотрела на меня круглыми глазами. В них был коктейль из страха, восторга и любопытства.

— Всегда с вами, сударыня, — произнесла она твёрдо. — Куда ж я денусь-то!

— Вот и отлично, — улыбнулась ей. — А теперь давай спать, а то завтра будет тяжёлый день.

Я забралась под одеяло. Перины были мягкой, как облако. Подушки, ух, какие пуховые, и я утонула в них с головой, с удовольствием прикрыла глаза.

Но всё равно привычка — мощная вещь, мне очень хотелось на мой диван. Он всё же удобнее.

— Сударыня? — тихонько позвала меня Дуняша, уже из-за двери.

— М-м-м?

— Неужто правда, высшие силы дали вам знания?

— Правда, Дуня.

— А память? Вы мне не врётё?

Я открыла глаза. В темноте комнаты горел камин и одна свеча, и свет дрожал, отбрасывая тени на стены.

— Не вру, — произнесла я уверенно. — Ничего не помню, лишь имя своё. и то, что я хиру... э-э-э... что теперь я знахарка.

— Странно всё это, — вздохнула Дуняша. — Но я верю вам. Спите, сударыня, утро вечера мудренее.

— Спокойной ночи, Дуня. Завтра ещё тебя поспрашиваю.

— Как пожелаете.

Дверь закрылась, и я осталась одна.

В голове гудело, слишком много информации и слишком

много проблем.

Вообще слишком много всего, чёрт побери!

Но я хирург и привыкла спасать людей.

А этот пациент, граф Воин Михайлов, был ещё не самым безнадёжным в моей практике.

Я закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Глава 5

* * *

— Анастасия —

Проснулась от того, что кто-то очень настойчиво долбил изнутри в мою голову.

Нет, не так.

Проснулась от того, что в доме творилось такое, будто по крыше бегало стадо слонов в железных башмаках.

Деревянный дом – это, знаете ли, та ещё акустическая система.

Каждую мышь слышно так, будто это не мышь, а резвый медведь.

А уж когда кто-то ходит, ругается, гремит посудой и орёт дурниной, тут уж не то, что проснёшься, тут из гроба встанешь.

Я открыла глаза.

Потолок с лепниной. Люстра. Бархатные портьеры.

— Ах да, – сказала я потолку. – Я в прошлом. Или в другом мире. Надеюсь, что я просто в дурдоме.

Потолок промолчал. Потолки вообще редко бывают разговорчивыми по утрам.

Я села на кровати.

Тело заныло, запротестовало и даже закрипело, как старая телега.

Голова кружилась, в глазах плыло, и вообще ощущение было такое, будто я вчера выпила три ведра чего-то очень крепкого.

— Так, – прошептала. – Проверим, на что способно это тело на второй день после «болезни».

Я спустила ноги с кровати и встала. Устояла, что уже хорошо.

Попробовала поприседать. Раз. Два...

— Кхрр... – вырвалось из горла.

На третьем приседе сердце забилося так, будто я бежала стометровку с препятствиями.

Ноги дрожали, как желе.

— Чёрт, не мышцы, а кисель...

Попробовала отжаться.

Раз... и я уже лежала на ковре вниз лицом.

— Ну, Анастасия Аркадьевна, – сказала коври. – С таким образом жизни ты бы и до сорока не дожила. Ты, милочка, не жила, а медленно умирала.

Ворс ковра противно щекотал нос.

Я кое-как поднялась, отряхнулась и уже хотела позвать Дуняшу, как вдруг...

Где-то в доме раздался такой женский ор, что у меня волосы на голове зашевелились.

— ...Да как вы смеете, мерзавки! Я вас всех на конюшне выпороть прикажу! Ах, твари вы, дряни все!

Голос был пронзительным, как бормашина, и таким же

«приятным». Я даже скривилась от неожиданности.

— Это кто там так эмоционально выражается?

Ответа не последовало. Зато последовал топот. Кто-то бежал по коридору, громко рыдая.

Я открыла дверь и буквально столкнулась нос к носу с девушкой лет семнадцати, в фартуке и чепце.

Лицо у неё красное, глаза распухли от слёз, и вся она дрожала, как осиновый лист.

— Ой! – пискнула девушка, увидев меня. – Ой, простите, сударыня... Ради бога! Я не хотела! Я...

Она всхлипнула и побежала дальше, даже не остановившись. Только пятки сверкнули.

Я проводила её взглядом и уже открыла было рот, чтобы крикнуть кого, дабы узнать, что здесь происходит, как из-за угла вылетела Дуняша.

Растрёпанная, раскрасневшаяся и с круглыми глазами.

— Сударыня! – выдохнула она, влетая ко мне в комнату. – Ах, сударыня, хорошо, что вы уже встали! А я уж думала...

— Дуня, – перебила её, затаскивая внутрь и закрывая дверь. – Объясни мне, ради всего святого, что здесь происходит? Кто так орал? И почему та девушка рыдала, будто её только что приговорили к ссылке?

Дуняша перевела дух. Потом ещё раз. Потом икнула.

— Ой, беда-а-а... – протянула она. – Матушка ваша...

— Не матушка она мне, – перебила её, поморщившись. – Мачеха. Называй вещи своими именами, Дуня. Мать – это

та, которая родила, вырастила и любила. А эта пришла и всё сожрала.

Дуняша кивнула, соглашаясь.

— Так мачеха ваша, Клавдия Петровна, узнала, что вы поправились, — продолжила она шёпотом. — И как узнала, так разозлилась и дико разоралась. Девки с кухни ей под горячую руку попались. Отругала их ни за что, ни про что. А Степанида, та, что мимо вас пробежала, так та ей слово переёк сказала, что не виноваты они, что сударыня жива...

— То есть, — медленно сказала я, — моя мачеха расстроена тем, что я жива?

Дуняша замялась.

— Не мне об этом говорить, сударыня...

— Дуня.

— Да расстроена, — выдохнула она. — У неё такие планы были... Если бы вы померли, то...

— Что «то»? — спросила, чувствуя, как где-то в груди закипает ярость.

Дуняша оглянулась по сторонам, будто боялась, что нас подслушивают, и прошептала:

— Государство, сударыня, выплачивает за смерть супруги графа, если она померла и не успела наследников оставить... огромную сумму. Тысяч десять серебром. Ведь это потеря потерь! А если ещё и муж помер бы следом, то наследство всё Шумиловым отошло бы. Поскольку граф Михайлов детей пока не нажил, а родных у него не осталось, а вы, прости

господи, без памяти лежали, и докторус сказал, что можете и не очнуться...

Я прислонилась к стене.

— То есть, – проговорила медленно, – моя мачеха за мою смерть рассчитывала получить десять тысяч серебром? Я верно тебя поняла?

— Думаю, да, сударыня, – прошептала Дуняша. – Граф же инвалид, а все его дела в свои руки мачеха ваша взяла. Ох, а если бы и граф преставился, то всё, что у него осталось, отошло бы вашему батюшке. А батюшка ваш, сами уже знаете, под каблуком у Клавдии Петровны наглухо сидит. Вот она и надеялась...

— Что я сдохну, – закончила за неё. – А потом, возможно, и граф того, случайно на ножик упадёт, раз двадцать, или лестница под ним подломится. Или подушка сама собой на его лицо переползёт.

Дуняша перекрестилась.

— Не приведи господь, сударыня. Какие страсти вы говорите.

Я постояла минуту, переваривая информацию.

Десять тысяч серебром. Это сколько в переводе на современные деньги? Миллионы, наверное, получается, целое состояние.

Ради таких денег люди убивали, предавали и продавали родных.

А моя мачеха, оказывается, была не просто стервой, она

была стервой с бизнес-планом.

— Дуня, помоги-ка мне собраться.

— Куда собрались, сударыня? – ужаснулась служанка.

— К родственничкам, – усмехнулась я.

Пора с ними познакомиться.

А заодно и к графу наведуясь. Надо его нормально обследовать.

И вообще, мне нужно понять, где я нахожусь. Какой век? Какая страна? И что здесь с медициной? Есть ли тут хирурги? Или все лечатся заговорами и банными вениками?

— Дуня, а какой сейчас век? – спросила её.

Дуняша посмотрела на меня с недоумением.

— Так девятнадцатый век, сударыня, – произнесла она осторожно. – Тысяча восемьсот... ой, забыла, какой нынче год. А живём мы в Российской Империи.

Родина, что уже хорошо.

— Понятно, теперь давай одеваться.

* * *

Дуняша встрепенулась и выбежала за дверь.

Вернулась она через минуту снова с огромным ворохом ткани, что я испугалась, что меня сейчас в этом закопают.

— Вот, сударыня! – провозгласила она торжественно. – Платье красоты невиданной! Сама мастерица из Московии шила! Граф заказывал, когда вы только поженились, да не успели вы в нём походить, он на войну уехал. А мы его берегли, для особого случая...

Она развернула платье, и я ахнула.

Оно и в правду было прекрасным.

Небесно-голубой шёлк, нежнейшие кружева и вышивка серебряной нитью. У платья была пышная юбка и узкий лиф.

Не просто платье, а платье мечты.

В своей прошлой жизни я ходила лишь в джинсах и медицинской униформе.

— Красиво, – пробормотала я.

— А корсет-то какой! Гляньте! – Дуняша извлекла из-за пазухи кружевное сооружение, напоминающее орудие пыток. – Новый и тоже из Московии!

Я посмотрела на корсет.

— Нет, – отрезала решительно.

— Что «нет»? – не поняла Дуняша.

— Корсет надевать не буду, – заявила твёрдо.

Дуняша выронила корсет на пол. Тот звякнул, отскочил и замер в углу, обиженно сверкая костяными пластинами.

— Как это, не будете, сударыня? – ахнула она. – Это же неприлично! Дамы без корсета – это... Это...

— Срам, стыд, позор, – перечислила я. – Знаю. Дуня, посмотри на меня.

Дуняша посмотрела.

— Я похожа на скелет, обтянутый кожей, – заявила я и провела руками вдоль тела, подчёркивая своё состояние. – Мне мясо наращивать надо, а не становиться соломинкой. Я и так еле стою на ногах, а если ещё и ребра сдавлю этим... пы-

точным устройством, то я просто упаду и никогда не встану.

— Но, сударыня...

— Я сказала – нет. – Я скрестила руки на груди. – Если хочешь, сама надевай его и ходи, да радуйся красоте невиданной.

Дуняша отшатнулась и за сердце схватилась.

— Ой, что вы, сударыня! Мне по статусу не положено! Я ж горничная! А горничным такой красоты корсеты носить – это...

— Неприлично? – усмехнулась я.

— Не по чину, – вздохнула она. – Ладно, сударыня. Как скажете. Только если кто заметит...

— Никто не заметит, – заверила её. – Платье новое и пышное, под ним ничего не видно. А если и заметят, то скажу, что после болезни кости болят. Это, кстати, чистая правда.

Дуняша с сомнением покачала головой, но спорить не стала.

Мы начали одеваться.

Без корсета это заняло от силы минут пятнадцать.

Панталоны нацепила.

Следом пошла первая рубашка.

Потом вторая рубашка.

Юбка нижняя...

Блин, я уже ненавижу одежду.

Юбка верхняя... А кто там корсеты отменил? И вообще женщин избавил от тысячи слоёв одежды? Коко Шанель?

Само платье надела и я уже дышала, как загнанная лошадь.

Устала только от одевания. Кошмар.

Пуговицы, крючки, тесёмки, бантики.

Я начала звереть.

— Господи, сколько же всего, – пробормотала я, когда де-вушка закончила. – Дуня, скажи, когда я последний раз ба-ню обещала?

— Ох, давно. Хотите, на вечер устрою, сударыня?

— Хочу. Очень.

— Тогда всё устрою, – пообещала Дуняша. – Истопим, травок добавим, веничком похлещем...

— Веничком не надо, – сказала поспешно. – Я пока ещё нежная. Просто помыться хочу.

Дуняша засмеялась.

Заплела мне косу, толстую, красивую, уложила короной вокруг головы.

В зеркало было приятно смотреть.

Из него на меня глядела не бледная доходяга, а настоящая барышня, ой, то есть барыня (замужняя всё-таки) румяная от одевания, пока ещё не свежая, но молодая, в красивом голубом платье.

В том времени я была старше. Тут совсем молодуха. Но это хорошо. Только здоровье нужно поправить.

— Красавица, – сказала Дуняша с гордостью.

— Почти, – улыбнулась я. – Ладно, я готова.

— А трапезу, куда приказать подать, сударыня? – спросила Дуняша. – В спальни к вам? Или с матуш... с мачехой будете завтракать?

Не приведи господи с этой змеей кушать!

— С мужем буду завтракать, – произнесла я. – Прикажи туда всё подать.

Дуняша округлила глаза.

— Ох, его превосходительство может не обрадоваться.

— Всё равно подай, – заявила твёрдо. – Скажешь, что я велела, и добавь чего-нибудь сытного. Каши там с маслом, ещё яиц и хлеба. И мясо если есть, его тоже тащи.

— Мяса нет, сударыня, – вздохнула Дуняша. – Последнего барана вчера зарезали. На поминки...

— Ах, да на мои поминки, – вспомнила я. – Знаю. Ладно, будем довольствоваться тем, что есть.

Дуняша кивнула и выбежала выполнять приказания, а я осталась стоять перед зеркалом, разглядывая себя.

Голубое платье мне очень шло. Кожа у меня была уже не такая бледная, щёчки порозовели и глазки блестели.

— Ну что ж, Анастасия Аркадьевна, – сказала своему отражению. – Пойдём-ка знакомиться с уродственничками. А заодно будем кормить меня и медведя.

Отражение кивнуло.

Я поправила кружевной воротник и глубоко вздохнула. Корсета не было и это кайф!

И я вышла в коридор.

В доме снова кто-то орал, но теперь я знала, кто именно.

И у меня было такое предчувствие, что к вечеру орать будет уже не только мачеха.

— Сейчас познакомимся, Клавдия Петровна, – прошипела я, направляясь в сторону криков.

Глава 6

* * *

— Анастасия —

Шла я, значит по коридору, да по сторонам осматривалась.

Дом, надо сказать, был добротным.

Высокие потолки, красивая лепнина и дубовые панели на стенах. Мебель в доме тоже добротная, красивая и резная, сделана из тёмного дерева.

И вроде всё хорошо, но мой глаз быстро нашёл недостатки.

На багетах лежала пыль, в углах паутины было столько, что можно её на пряжу пускать.

Ещё одна картина висела криво, будто кто-то проходил мимо, задел её и не поправил, гад.

Ваза с засохшими цветами на подоконнике возмутила меня. Зачем она тут вообще?

Надо навести порядок, но это всё после, сначала нужно разобраться с тем, откуда шёл этот ужасный звук.

Голос мачехи я узнала бы теперь из тысячи, ведь он был похож на звук работающей бензопилы.

Свернула в коридор, толкнула тяжёлые двери, и попала на кухню.

Остановилась я на пороге и удивлённо подняла брови.

Зрелище, конечно, было эпичным.

Просто дым коромыслом. Всё на кухне было в дыму, в котором словно призраки мелькали фигуры в фартуках.

А в центре этого хаоса разворачивалась трагедия.

На полу, сидя на коленях, рыдала девушка, а перед ней валялась разбитая тарелка и море осколков.

Рядом с ней на корточки присела Дуняша, принялась помогать собрать черепки и начала успокаивать её.

А над ними возвышалась, честное слово, я даже мысленно поперхнулась. Тётка, прости господи, была размером с хорошего быка. Нет, давайте мы не будем оскорблять быков.

Всё-таки бык – это грациозное животное, а вот это было нечто иное. Я бы сказала, что это монументальная гора.

И эта гора стояла, расставив широко ноги, уперев руки в бока, и трясла всем, чем можно трясти.

Тридцать три подбородка колыхались, как студень, брыли были толстые, обвисшие и активно ходили ходуном.

— Ещё одна криворукая на мою голову за одно утро! Вы решили всю посуду перебить, дряни?! – орала она, и голос её заставлял дрожать даже стены. – И тебя тоже выпорю, а потом на казнь, дуру, отправлю! Всё равно никому такая криворучка не нужна! Что смотрите?! Всех урою, я сказала-а-а!

Поварихи, помощницы и судомойки, все они стояли по стойке смирно, вжав головы в плечи, и дрожали, как осино-вые листочки.

Никто не смел пикнуть и пошевелиться.

Я перевела взгляд на эту... даму.

Клавдия Петровна, мачеха моя ненаглядная.

Внешность у неё была яркая. Это была жгучая брюнетка. Её волосы, чёрные, как смоль, были собраны на затылке в тугой пучок.

Кожа у неё смуглая, будто она всё лето провела на юге, губы полные и алые, то ли от природы, то ли были накрашены.

Нос у неё выдающийся, длинный и с горбинкой. Такой нос мог бы украсить профиль римского патриция.

Глаза у мачехи были огромные и чёрные, как угли.

А брови густые, прегустые, точнее, бровь была одна – монобровь, густая, чёрная и тянулась она через всю переносицу.

У Клавдии Петровны даже темнел пушок усиков над верхней губой.

И одета она была в строгое платье тёмно-изумрудного оттенка.

Я смотрела на неё и не могла понять, красивая она или страшная?

С одной стороны черты крупные, но правильные, а вот с другой... Это выражение лица, мимика, и этот рот, открытый в крике...

«Нет, – решила я, – если ей скинуть килограммов тридцать, убрать монобровь и научить манерам, то точно будет эффектная дама. Но пока что прямо Салтычиха мест-

ного разлива, только пока без уголовного дела».

— Быстро убирай всё и вали на конюшню, тварь! Розги тебя, бестолковую уже заждались! — продолжала орать Клавдия Петровна. — Кто ещё хоть что-нибудь разобьёт, попортит, тоже пойдёт под розги! Все всё поняли?!

Девушка зарыдала пуще прежнего, и руки у неё задрожали.

И тут я поняла, что пора вмешаться, потому что, знаете, я хоть и из другого мира, но порядок вещей уловила быстро.

Я замужем за Воином, а он тут, между прочим, хозяин. Значит, я здесь хозяйка.

Не Клавдия Петровна, не папенька, и вообще никто, а именно я — хозяйка. И я, между прочим, имею право голоса.

И я сделала шаг вперёд.

— Я отменяю всякое наказание, — заявила ледяным тоном.

Голос прозвучал негромко, но в этой кухне, где только что орали на весь дом, тишина показалась звенящей.

Все удивлённо замерли.

— Никто никого пороть не станет, — продолжила я. — Это мой приказ, как графини и хозяйки этого дома. Всем всё ясно?

Тишина.

Мне показалось, что даже дым перестал клубиться.

Дуняша поднялась с колен, улыбнулась одними уголками губ и встала за моей спиной, как верный солдат за команди-

ром.

Я почувствовала её надёжное присутствие. Хорошая, всё-таки девка.

А вот Клавдия Петровна медленно развернулась, как танк, который наводит орудие на цель.

Её чёрные и огромные глаза зло сощурились, губы уродливо скривились, и всё её лицо пошло красными пятнами.

— Настька! – выпалила она. – Дура ты безмозглая!

Я удивлённо моргнула.

Она это мне? Графине? Жене графа Михайлова при прислуге?

— Живо вернись в свои комнаты! – продолжала она, набирая обороты. – Не лезь не в своё дело, безумная!

Я даже воздухом поперхнулась.

— Ещё одно негативное слово в мой адрес, – произнесла я тихо, но так, что слышали все, – и вас, Клавдия Петровна, я отправлю под суд.

Она открыла рот и осталась с открытым ртом.

Картина маслом «Мачеха в шоке».

Я отвернулась от неё, как от пустого места, и обратилась к прислуге:

— Порядок здесь наведите и вернитесь к работе. А эту... Небрежно кивнула в сторону мачехи.

— Сюда больше не впускать, и в дела усадьбы не посвящать. Я здесь хозяйка, а не Клавдия Петровна. Девушки, вы всё уяснили?

Они синхронно закивали. Глаза у всех были круглые, как плошки.

— Уяснили, сударыня, – прошептала одна из поварих.

— Вот и славно.

И тут я вспомнила про баранину.

— Кстати, тут до меня слухи дошли, что на мои «поминки» барана забили. Мясо где?

На кухне повисла пауза.

Главная кухарка, женщина лет сорока, плотная, сильная и видно, что с характером, выступила вперёд.

В глазах её читалась такая радость, будто ей только что объявили об оплачиваемом отпуске.

— Так графиня Клавдия Петровна распорядились всего барана псам отдать, – сказала она, и в голосе её звучало едва скрываемое злорадство. – Я могу отправить кого-нибудь, чтобы у мясника спросить, раздал он уже мясо псам, аль нет.

Я скрипнула зубами.

Вы это слышали?

Барана – псам?!

Когда самим жрать нечего?!

А она собакам мясо отдавать?!

— Да, – процедила я. – Сделай, пожалуйста. Надеюсь, он эту глупость не совершил. Если всё хорошо, то возьми мясо под свой контроль и наготовь из баранины всего. Поняла?

— Да-да, сударыня! – обрадовалась кухарка. Глаза её сияли. Наконец-то кто-то эту злыдню Клаву осадил.

— Любаша, отправь Светлану, она самая шустрая, – подала голос Дуняша из-за моей спины.

— Так и сделаю. Светка, подь сюды!

И тут Клавдия Петровна отмерла.

До этого она стояла, как статуя.

Видимо, её мозги перезагружались из-за системной ошибки, которую вызвало моё поведение.

Ошибка была фатальной, ведь я вела себя не по сценарию. В её сценарии размазня Настька должна была лежать в беспамятстве или, на худой конец, плакать в углу, а не раздавать приказы.

— Ты чего это удумала?! – заорала она, придя в себя. – Матушку родную срамить решила?! Да как ты посмела!

— Вы мне не мать, – отрезала я и спросила громко, чтобы слышали все: – Управляющий где?

Дуняша вздохнула.

— Так-с... графиня Клавдия Петровна всех разогнали, в свои руки всё взяли, – сдала Дуня графиню с потрохами.

Ага. Значит, эта дрянь не просто разоряла графа, а ещё и нагло обворовывала.

Управляющего выгнала, бухгалтерию прибрала к рукам... Нехилый такой бизнес устроила «матушка».

— Значит так, Клавдия Петровна, – сказала я, глядя ей прямо в глаза. – Идёмте сейчас же вместе. Бумаги мне все отдадите.

Она обозлилась. Руки в боки упёрла, подбородки её за-

тряслись, и она как рывкнет:

— А не много ли ты на себя берёшь, дурёха?! Какие бумаги?! Ты читать едва можешь! Да я тебя, знаешь...

— Мне всё равно, что вы там надумали, – перебила её. Всё так же холодно, всё так же спокойно. – Я и мой супруг немедленно желаем войти в курс дел. Очевидно, пока мой муж был на войне, а я была не совсем здорова... – я сделала паузу и добавила с намёком, – уверена, вашими силами я слабела, а вы много зла натворить успели.

Я видела, как вытянулись лица прислуги. Как они переглядываться начали.

«Вот да, – подумала злорадно. – Пусть думают, что ма- чеха меня опаивала. Пусть думают, что я была такой раз- мазнёй из-за её козней. Лучшие уж так, чем объяснять, что в тело вселился хирург из будущего».

Клавдия Петровна пошла красными пятнами. Лицо её стало пунцовым.

— Клевета! – взвизгнула она и кулаком потрясла. – Я тебе как мать, а ты меня вот так?!

— Драму не разводите, – сказала строго. – И хватит людей от дел отвлекать. Идёмте. Бумаги мне все отдадите.

— Я твоему отцу пожелаю! – заорала она, тряся брылями. – Неблагодарная! Я всё ему скажу! Всё! Прямо сейчас!

Она подхватила тяжёлые юбки. А юбки, кстати, были из дорогой ткани, явно купленные на деньги графа. Тётка ринулась к выходу.

Проходя мимо меня, она сильно толкнула меня в плечо.

Я пошатнулась. Если бы не Дуняша, которая подхватила меня за локоть, я бы рухнула на этот закопчённый пол.

— Ничего, – сказала Дуне тихо.

Девушка, которая рыдала на полу, больше не рыдала, она смотрела на меня огромными глазами, полными надежды.

— Сударыня, – робко спросила она. – Простите меня... Я случайно разбила... Уж больно графиня серчала... руки и дрогнули.

Я подошла к ней и заглянула в глаза.

— Милая, – сказала мягко. – Это всего лишь посуда. Ничего страшного. Вытри слёзы.

Она кивнула, всхлипнула.

— Насчёт Клавдии Петровны, – продолжила я. – Я серьёзно. Больше её не слушать и приказы её не исполнять. Она здесь гостья, а не хозяйка. А гостей, как правило, иногда нужно вовремя прогнать.

На кухне раздался всеобщий вздох облегчения.

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась.

— Баран жив! – заорала девушка, ворвавшись со стороны входа для прислуги. – То есть... его не отдали собакам! Мясник сказал, что графиня приказала так всем сказать, а на деле барана должны были на рынке продать! Уже собирались везти!

Я замерла.

Вот те на!

А Клавдия Петровна, оказывается, не просто стерва, она находчивая стерва.

Барана продать, а всем сказать, что собакам отдали, и деньги, значит, в свой карман.

Интересненько, и сколько она так накалымила? Сколько ещё всего вывезла, продала и присвоила?

«Та-а-ак, – проговорила сама себе. – Сначала завтрак с мужем, а потом поговорить с ним надобно. Далее заберу у Клавдии бумаги, и разговор с папенькой устрою».

— Значит так, – произнесла я, хлопнув в ладоши. – Срочно барана на кухню, готовить его и запасы делать. Завтрак для графа и меня готов?

— Таки да, сударыня, – кивнула главная кухарка. – Всё готово. Подать не успели.

— Подавайте, – распорядилась я. – В спальню графа.

Я повернулась и пошла к выходу, а Дуняша побежала за мной, как пришитая.

Настроение было боевое.

Мы свернули в коридор, ведущий к комнатам графа.

Я поправила воротник, одёрнула юбку и глубоко вздохнула.

— Всё, – прошептала я. – Входим.

И толкнула дверь.

Глава 7

* * *

— Анастасия —

Я влетела в спальню мужа с таким боевым настроением, что, казалось, сейчас горы сверну и даже океан переплыву.

Мачеха? Да плевать.

Разорение? Разберёмся!

Корсет? Не-е-ет, никогда не надену.

Я – хозяйка этого дома! И я...

... замерла на пороге.

Воин лежал в постели.

Огромный медведь, который ещё вчера сидел в кресле, крутил нож и отпускал мрачные шуточки, сейчас был бледнее простыней, на которых лежал.

Мужчина метался на подушках, губы его потрескались, на лбу выступила испарина, и он тихо, едва слышно, стонал.

Этот мужчина, судя по всему, вообще не привык жаловаться. Но если уж он стонал, значит, дело было дрянно.

— Проща! – рявкнула, переходя на профессиональный тон, которым я в операционной разгоняла медсестёр, если они начинали паниковать. – Что стряслось?

Проща метался вокруг кровати с полотенцем и тазиком.

Повернулся ко мне и, бух! Прямо на колени рухнул, и тазом об пол ударил, вся вода расплескалась.

Полный пестец. У меня даже челюсть отвисла.

— Сударыня-а-а! — взвыл он, и глаза его горячими слезами наполнились. — Пред рассветом его благородию худо стало-о-а! Позвал меня и приказал, чтоб я докторусов вызвал. Так я гонца и отправил, а они всё не едут и не едут!

— Встань, — приказала я, — и не вой.

Прошка вскочил.

Я подошла к кровати, сорвала одеяло.

Господи!

Жар от Воина шёл такой, что на нём можно яичницу жарить.

Лицо у него было бело-серое, пот лился градом, дыхание было тяжёлое и прерывистое.

Я положила руку ему на лоб. Чёрт! Он горел!

— Инфекция, сука! — выдохнула сокрушённо. — Ох, мать честная!

Я знала эти симптомы, видела их сотни раз. После ранений и операций, когда что-то шло не так, когда организм сдавался, и бактерии начинали свой чёрный танец.

Если ничего не сделать, то он умрёт.

Если не сегодня, то завтра точно. А может и через три дня, но всё равно умрёт в жутких мучениях.

А я вдовой становиться не намерена. Не в этой жизни уж точно.

Я подозвала Дуню и сказала ей, что нужно срочно принести. Не просто срочно, а ураганом. Одна нога здесь, другая

там и обратно!

Дуняша убежала исполнять моё поручение.

И я уже открыла было рот, чтобы Прощке распоряжение дать, как вдруг...

Двери со стуком распахнулись.

— Мы спешили, как могли! — раздалось за спиной. — Мы приехали!

Я обернулась и увидела, что в дверях стояли трое.

А в спальню графа уже заглядывали любопытные слуги, и, кажется, мачехина морда там промелькнула.

Пока на всех плевать.

Доктора пожаловали и это главное. Ведь у них есть лекарства!

Мужики крепкие, господа благородные. Одеты были хорошо, в сюртуки, галстуки и сапоги у всех начищены.

Лица умные, да важные. Такие лица бывают у людей, которые привыкли, что их слушают и боятся.

Местные коллеги, мать их.

Первый был высокий, худой, с бакенбардами. Лет тридцати пяти. В руках у него был чёрный саквояж из хорошей кожи и с блестящей латунной пряжкой.

Второй поплотнее телом и низкий. У него была бородка клинышком и масляные глазки. Лет ему под сорок. Саквояж у него был поменьше, но тоже добротный.

Третий был молодой, лет тридцати или меньше, с аккуратной причёской и нервным тиком под левым глазом. Он

теребил свой саквояж, как ребёнок игрушку.

Три доктора, три спасителя отечественной медицины. М-да...

Я глядела на них, и в глубине души шевелилось смутное беспокойство, нехорошее такое. Это у меня врачебное, интуитивное.

— Сударыня, – произнёс высокий. – Позвольте представиться, Берестов Фёдор Иванович, доктор высшей категории. А это мои коллеги. Смирнов Пётр Андреевич и Кузьмин Василий Григорьевич.

Они поклонились, и я им кивнула.

— Михайлова Анастасия Аркадьевна, – тоже представилась. – Супруга графа.

— Нам надлежит осмотреть больного, – продолжил Берестов, не глядя на меня. – Будьте так любезны, покиньте комнату.

— Чего? – не поняла я.

— Негоже сударыне, хоть и жене, видеть, как муж страдает телом и как его лечить будут, – пояснил Смирнов, тот, что с бородкой. – Женские нервы, сами понимаете.

А Кузьмин, который молодой, добавил, даже не глядя в мою сторону:

— Женский ум, он как комар – звону много, а проку мало. Женщинам бы кружева и сплетни плести, а не в мужские дела лезть.

Я замерла. Вот это да-а-а. Нет, я, конечно, ожидала, что

в девятнадцатом веке с правами женщин не ахти, но, чтобы так в лицо графине грубили? Ну это они могучи, конечно.

— Господа, – произнесла очень спокойным, но уверенным и властным голосом. – Я понимаю ваше беспокойство о моих нервах, но позвольте напомнить, что я дала клятву у алтаря. И в горе и радости, в болезни и здравии, и вы не смеее меня прогнать от моего мужа.

Доктора переглянулись.

— Сударыня, – начал было Берестов.

— Я остаюсь, – отрезала ледяным тоном.

Они помолчали, а потом махнули на меня рукой, мол, делайте, что хотите, барыня, только под руки нам не лезьте.

Я мысленно выдохнула, и не пожалела, что осталась! Потому что эти горе-докторусы, эти спасители отечественной медицины, такое начали!

Первый, который Берестов, открыл свой роскошный сак-вояж, и я сразу заглянула внутрь. Ну интересно же, чем они тут лечат.

И увидела баночки, коробочки, шкатулки со всяким, бинты и банку стеклянную с пиявками.

Боже мой, чёрные и скользкие пиявки, извивающиеся в тесной банке.

— Полагаю, необходимо очистить кровь, – проговорил Берестов с важностью.

Он и достал эту банку с пиявками.

— Поставим пиявок на веки. Отток крови от глаз полезен

и снимет воспаление.

Я остолбенела.

Он собрался прицепить пиявок прямо на веки Воина?

На воспаленные, гноящиеся глаза во время инфекции?!

Их вещество разжижает кровь, а при инфекции это может привести к тому, что заражение распространится быстрее!

А если пиявки грязные?

А где гарантия, что эта банка стерильна и пиявки медицинские, а не из местного болота?

Тогда они занесут ещё и новую инфекцию!

И на веки?! На веки, Карл!

— Не надо пиявок! – рявкнула я. – Это приказ!

Берестов посмотрел на меня как на идиотку.

Второй, Смирнов, тем временем достал из своего сакvoja что-то длинное и с наконечником.

Клизму.

— Серьёзно? Клизму?! – воскликнула я в панике.

— Организм надобно очистить, сударыня. Будет дурной аромат, я предупреждаю, – изрёк он, поглаживая резиновое чудовище. – Из графа требуется вывести дурные соки. Клизма – это лучшее средство от любой хвори, поверьте мне, я знаю.

Я закрыла глаза.

Клизма при инфекции, лихорадке и обезвоживании?

Клизма вымоет из организма остатки жидкости и полезных веществ! И ослабит и без того ослабленное тело!

Это не лечение, это, мать их за ногу, убийство!

— Клизму тоже запрещаю, – прошипела сквозь стиснутые от злости зубы и с силой сала руки в кулаки. Так и хотелось зарядить этим бездарям хук справа и хук слева.

Смирнов обиженно поджал губы, а третий, Кузьмин, вообще не полез в саквояж.

Он подошёл к кровати, посмотрел на Воина, длинно вздохнул и повернулся ко мне с таким лицом, будто собрался сообщить, что я уже вдова.

— Сударыня, – начал он важно. – Стоит подумать о душе графа. Советую вам священника вызвать. Да побыстрее.

То есть, эти трое уже похоронили Воина.

Они даже не начали лечить, а уже готовили его к отходу в мир иной.

Вот тут меня и прорвало.

— Во-о-он! – заорала я так, что с люстры посыпалась пыль.

Доктора отшатнулись.

— Вон отсюда! – продолжила я, набирая обороты. – Бездари! Потенциальные убийцы! Пиявки? Клизмы? Священник?! Да вы издеваетесь?! Человек при смерти, а вы ему пиявок на глаза вешаете?! Вы его добить хотите?!

— Сударыня, да как вы смеете... – начал было Берестов.

— Я смею всё! – перебила я. – Я его жена! И не позволю вам его угробить! Убирайтесь вон, пока я вас сама пиявками и клизмами не накормила!

Доктора переглянулись. Собрали свои саквояжи и попятились к двери.

— Мы пришлём счёт, уже не надейтесь, что мы бесплатно прокатились, — процедил Берестов на пороге. — Мы такой путь проделали, помочь хотели...

— Идите вы со своим счётом! — рывкнула им вслед.

Дверь за ними закрылась.

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша, и чувствовала, как во мне клокочет такая злость, что хоть святых выноси.

— Сударыня... — пискнул Прошка из угла.

— Молчи, — прошипела я.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите, — разрешила я.

Это была Дуняша, и не одна. С ней пришли ещё две девки, тащили большие корзины, тазы и вёдра с горячей водой.

— Всё, как вы велели, сударыня, — сказала Дуняша, ставя корзины на пол. — Травы, вода.

Я выдохнула.

Вот теперь можно начинать лечить.

* * *

Я подошла к корзинам и принялась перебирать содержимое.

Ромашка. Календула. Тысячелистник. Шалфей. Зверобой. Дубовая кора. Чеснок. Мёд. Ещё несколько бутылей не совсем чистого и совсем не медицинского, но сойдёт.

Деятнадцатый век, мать его.

Нет антибиотиков, нет ничего. Нет даже обычного, самого простейшего препарата, который откроют ещё так не скоро.

Что у нас есть? Народная медицина, да травы. И мои знания.

Я быстро прокручивала в голове варианты.

Бактериальная инфекция, значит, нужно убить бактерии.

Чеснок – это природный антибиотик. Он убивает много видов бактерий, но он токсичен в больших дозах.

Мёд – это тоже антибактериальное средство, плюс он хорошо заживляет.

Сильное противовоспалительное – это ромашка, а календула – антисептик. Тысячелистник снимает воспаление.

Ещё для дезинфекции можно взять раствор Менделеева, да и для компрессов он хорош.

И понадобится просто вода, точнее много воды, чтобы сбить жар и не допустить обезвоживания.

Я вспомнила, что было в девятнадцатом веке из лекарств.

Кора хинного дерева от малярии. А ещё одно очень известное обезболивающее. Много чего было, но антибиотиков нет.

Значит, будем использовать то, что есть. Это травы, мёд, чеснок, и надежду.

— Значит так, – начала я, поворачиваясь к Дуняше, Прощке и ещё двум другим девушкам, – никого сюда не впускать, если я не прикажу. Коли надо, так мужиков мощных поставьте у двери, чтобы охраняли. Это мой приказ.

Девушки закивали.

— Дуня, ты остаёшься, будешь мне помогать. Прощка, ты тоже рядом.

— Ох, сударыня, – пробормотала Дуняша, глядя на меня с тревогой. – Вы даже не поели...

— Дуня, – проговорила я твёрдым тоном. – Мне кусок в глотку не полезет! Надо Воина спасти!

Я подошла к кровати и снова сжала руки в кулаки.

Воин метался в жару, его губы шевелились, будто он с кем-то спорил.

— Тихо, – прошептала я, беря его за руку. – Тихо, медведь, я тебя вытащу, даже не сомневайся.

Он не ответил, но руку сжал.

— Дуня, – скомандовала я, – разводи этот раствор с водой, один к одному. Будем обтирать. Жар надо сбивать. Прощка, а ты отвар ромашки сделай, в кипяток её. Надо настаивать десять минут, потом носи сюда. И это... притащи мне всякие ножи и ножницы. Чистые и желательно новые. Найди всё у Воина.

Я бросила взгляд на камин. Огонь горел, это хорошо. Буду в растворе Менделеева и в огне дезинфицировать «инструменты».

— А вы, сударыня? – спросил Прощка. – Что вы будете делать?

Дуняша протянула мне миску с раствором и чистыми полотенцами.

Я закатала рукава роскошного платья.

— Вопросы никто не задаёт, а мои приказы живо исполняет, – произнесла жёстко и резко.

И приступила к работе.

Глава 8

* * *

— Анастасия —

Подошла к Воину, положила руку на лоб.

Градусника у меня нет, но на глаз у него температура под сорок.

Дыхание частое и поверхностное, пульс нитевидный.

Плохо. Очень-очень плохо!

— Эй, медведь, – произнесла тихо. – Ты только не помирай, слышишь? Мне эти родственники не нужны. Ты – это всё, что у меня есть в этом мире. Муж и жена – одна сатана, так что... борись. Изо всех сил.

Он не ответил, только слабо застонал.

Начала я с жара.

Дуня уже смешала раствор Менделеева с водой.

Я смочила тряпку в растворе и начала обтирать Воина.

Лицо, шею, руки... весь торс.

— Зачем это, сударыня? – спросила Дуняша, повторяя за мной.

— Раствор испаряется и тело охлаждается. Мы жар сбиваем, – объяснила ей, не прекращая движений. – Иначе мозг сварится, и тогда уже никто не поможет.

Дуняша не поняла про мозг, но кивнула.

Она вообще перестала задавать лишние вопросы после то-

го, как я выгнала этих шарлатанов с их пиявками и клизмами.

Мы обтирали графа минут двадцать.

Я меняла тряпки, смачивала снова, обтирала и обтирала.

Воин сначала метался, пытался оттолкнуть меня, бормотал что-то невнятное, то ли проклятия, то ли молитвы.

Потом постепенно начал успокаиваться. Дыхание стало глубже, пульс ровнее.

Жар по чуть-чуть начал спадать, значит, был прогресс.

— Так, – проговорила, выпрямляясь и вытирая пот со лба.

– С жаром разобрались, теперь займёмся глазами.

Я подошла к столу, где Дуняша разложила принесённые травы.

Ромашка, календула и шалфей.

Решила, что сделаю противовоспалительный и антисептический отвар. Буду им промывать глаза, и делать компрессы.

— Дуня, поставь воду на огонь. Будем отвар делать.

— Уже, сударыня, – кивнула она и подвесила медный котелок на крюк прямо в камине.

Пока грелась вода, я занялась ногами.

Вчера, когда осматривала Воина, ноги я как-то упустила из виду, потому что они были обмотаны тряпками.

Я осторожно размотала серые тряпки, и вся похолодела.

На ногах, ниже колен были жуткие и распухшие нарывы с желтоватыми головками.

Чёртов, мать его, сепсис!

Пуля в спину – это ранение, которое он получил полгода назад, и с ним организм боролся как мог.

А вот ноги – это застой. Лежачее положение, плохая гигиена и поганые, грязные тряпки. Вот он результат, пошла вторичная инфекция.

Если не убрать гнойники, он умрёт от заражения крови!

— Прощка! – заорала я. – Ножи принёс?

Прощка с бешеными от страха глазами часто закивал и протянул мне оружие.

Кортик был красивым, серебряная рукоять, тонкое лезвие и острое как бритва.

Идеально.

— Дуня, раствор! – скомандовала я. – Бинты в доме есть? Или чистую простынь нарежь полосками!

Пока Дуня делала, что ей сказала, я взяла кортик, окунула его в менделеевскую «воду». Потом поднесла к свече. Держала, пока лезвие не начало темнеть от жара.

— Сударыня, что вы делаете?! – ахнула Дуняша.

— Стерилизую, – коротко ответила я. – Калёный металл убивает заразу.

Я не стала объяснять, что в будущем есть автоклавы, антисептики и одноразовые скальпели. Здесь этого нет. Здесь есть только моя находчивость, знания и мои руки.

Вода закипела, я бросила в неё травы и накрыла, чтобы настоялось, заодно чтоб остыло.

Я подошла к Воину.

Было светло, но для операции очень мало света.

— Проща, держи его за плечи. Очень крепко. Дуня, возьми и зажги лампу, мне нужно много света.

Я присела на край кровати, обработала поверхность ног раствором и взяла кортик.

— Прости, медведь, – сказала тихо. – Будет больно.

Лезвие вошло в нарыв легко, как в масло.

Желтоватая жидкость хлынула наружу, смешиваясь с кровью.

Воин дёрнулся, закричал хрипло и глухо, но я уже давила на края раны, выдавливая гной.

— Держите его! – рявкнула, когда он с силой задёргался.

Проща навалился всем телом. Воин затих, не от того, что перестало болеть, а от того, что сил не было сопротивляться.

Я обработала все нарывы. Все пять штук.

Пять раз лезвие входило в его ноги, пять раз выдавливала гной и очень обильно промывала раны раствором.

Затем проверила и продавила всё ещё раз, чтобы ничего не осталось. Только потом наложила повязки с компрессом – отваром из ромашки и календулы.

— Всё, – сказала, выпрямляясь и вытирая руки о тряпку. – С этим закончили.

Я подошла к столу, где стояли травы, мед, вода Менделеева и чеснок.

Теперь мне нужен антибиотик. В моём понимании, конечно.

Чеснок – это природный убийца бактерий.

Мёд – сильный антисептик и питание.

Менделеевский раствор, не такой, как надо, конечно, но что есть, – это консервант и усилитель.

Ещё и травы, они мощные помощники.

Я всё смешала. Раздавила пять зубчиков чеснока, добавила две ложки мёда, залила раствором Менделеева, примерно полстакана и хорошо взболтала.

— Дуня, дай-ка чистую ложку.

Она протянула.

Я подошла к Воину, приподняла его голову.

— Пей, медведь. Это лекарство.

Он не открыл глаза, но рот приоткрыл.

Я влила в него ложку. Он закашлялся, скривился, чеснок и огненная «водичка» штука жёсткая.

— Ещё, – сказала я.

— Сударыня, – осторожно спросил Прошка. – А не помрёт ли его благородие от такого... лекарства?

— Если не дам, то помрёт точно. А так... есть шанс, – ответила я.

Я дала Воину ещё три ложки. Потом поставила настойку на стол. Буду давать каждые два часа.

Эх, полцарства за капельницу...

Насколько помню из истории развития медицины, капельницы уже активно применялись с 1832 года.

Интересно, в местных магазинах разжиться ими можно?

* * *

Прошло три часа.

Воин спал. Он не метался, не бредил, а просто спал – тяжело, глубоко, как вымотанный болезнью и болями человек.

Жар спал, правда, пока не полностью, но уже он был не такой пекельный, да и пульс стал потише, и дыхание выровнялось.

— Сударыня, – тихо проговорила Дуняша, сидевшая в углу. – А я-то думала, что блажь на вас нашла, будто вас высшие силы даром лекарским наградили. Но вот вижу, а ведь и правда всё. Простите меня, тёмную.

Я посмотрела на неё устало, но с теплом в глазах.

— Всё хорошо, Дуня, и ты не тёмная, а осторожная. Всё правильно.

Она помолчала, потом добавила:

— Вы бы поели, сударыня. Сами ещё слабы после болезни, а тут вон, сколько дел переделали. Упадёте, и кто тогда графа лечить будет?

Я вздохнула, она была права.

Моё ослабленное тело ныло, руки от усталости дрожали, и желудок возмущённо урчал, напоминая, что в этом мире я не железная.

— Да, – кивнула я, – поесть надо. Ты права, я сама ещё слаба, а мне силы нужны, и ты со мной поешь. Прощка, ты тоже. Здесь еды достаточно, хоть и остыло всё.

На завтрак было собрано много всего, но видите, как вы-

шло.

Завтрак с Воином не случился, и обед уже прошёл.

— Сударыня! — начали слуги возмущаться, но я осадила их одним взглядом.

— Цыц, — произнесла жёстко. — Вы мне нужны ещё. Работы будет много, и сил надо много. Так что живо всем есть.

Они переглянулись, но спорить не посмели.

— Дуня, — добавила я. — Но перед этим сбегай на кухню, скажи там, пусть приготовят для графа куриный бульон, да побыстрее. Без специй только, ясно? Но чтоб наваристый. И мигом обратно.

— Да-да, сейчас всё сделаю, — закивала Дуняша, поднимаясь. — Заодно разгоню этих зевак. Мачеха ваша уже всем плешь проела, всё сюда пройти желает, но вы, как и велели, никого не пускаем.

— Умница, — похвалила её.

Эту бабищу сюда точно нельзя.

Дуняша выбежала. Я тут же услышала мерзкий голос Клавдии Петровны, и грозные голоса мужиков, которые стояли как стражники и никого сюда не пускали.

Мачеха тут караулит что ли, подумала я, но тут же махнула на неё рукой. До неё обязательно доберусь, вот Воина поправлю и сразу семейкой займусь. Возможно, карту им выдам, как уехать отсюда.

Я сжала переносицу, потом надавила на виски. Голова разболелась.

Подумала, что надо Воину постель сменить, и помещение проветрить.

Но Воин мужчина большой и тяжёлый, как под ним сменить простыни, не представляю. Да и трогать его пока не стоит.

Чёрт. Вот она жизнь без медикаментов, оборудования и обученного персонала. Сложно.

Потом я снова подошла к Воину.

Он спал. Лицо было спокойным, даже каким-то умиротворённым. И таким молодым, без этой хмурой складки между бровей.

— Слышь, супруг, – прошептала я. – Я обязательно помогу тебе. Вот инфекцию победим, сразу займусь твоей спиной и глазами. Бельма – это не приговор. Вот так.

В моё время такое легко лечат. И в этом времени, кстати, тоже.

Я вспомнила свои знания. Я хоть и не офтальмолог, но знания остались. Бельма – это помутнение роговицы.

В девятнадцатом веке лечили... но как?

Метод был.

Я усиленно напрягала память.

Прижигание. Ляписом, азотнокислым серебром.

Да. Но здесь, где я это найду?

Можно и травами.

И я вспомнила очанку.

Точно! «Глазное» растение!

С его спиной разберусь обязательно. Главное, чтобы спинной мозг не был повреждён. Но судя по тому, что чувствительность есть, просто нужен грамотный подход и правильное лечение.

— Ты встанешь, — пообещала Воину. — Обязательно встанешь. И увидишь.

Он не ответил, конечно, но дыхание его стало глубже, и мне показалось, или он действительно слегка сжал мою руку?

Вернулась Дуняша.

Оказывается, повариха сразу наварила куриного бульона, как все в доме узнали, что граф слёг.

— Вот, сударыня, принесла.

— Хорошо. Дадим ему, когда проснётся. А пока давайте есть.

Мы поели молча и быстро, без разговоров. Я чувствовала, как силы понемногу возвращаются.

Прошка и Дуняша сильно стеснялись меня, а я на них ноль внимания, так как была погружена в себя и собственные знания, вспоминала всё, что учила и читала.

Эх, знала бы наперёд, что окажусь в таком далёком прошлом, выучила бы всё о травах, как изготовить то или иное лекарство.

Эх, первый антибиотик откроют только в 1928 году. Микробиолог Александр Флеминг совершил настоящую революцию в медицине. И то, массовое производство пеницилина

было налажено лишь во время Второй мировой войны.

А мне антибиотики нужны прямо сейчас.

Заняться что ли разведением плесневого гриба?

На чём только выращивать плесень?

Хлеб, дыня, фрукты?

Но стоило учитывать, что работа с плесенью требует строго соблюдения стерильных условий, которые сложно обеспечить в местных условиях.

Плюс не всякая плесень подойдёт. Ведь может вырасти другой вид, который не производит антибиотик.

Как я узнаю, что это то, что мне нужно?

Только ставить опыты на мышах.

Интересно, в таком случае как быстро меня запишут в ведьмы и отправят на казнь?

Но даже если я опережу Флеминга, концентрация антибиотика в полученном материале будет крайне низкой и недостаточной для лечения инфекций, да и с ним могут вырасти и другие микроорганизмы, в том числе патогенные.

Без нужного оборудования отделить одно от другого просто ручками невозможно.

Чёрт, чёрт, чёрт...

Я пока отбросила все эти мысли, а то накручу себя сейчас до состояния «Мы все умрём!»

— Так, я посплю немного. Разбудите меня через два часа. И следите, чтобы жар не поднялся.

— Слушаюсь, сударыня.

Я опустилась в кресло у кровати и закрыла глаза.

«Ну что, – подумала я. – Не так просто быть медиком в девятнадцатом веке, да?»

И провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Глава 9

* * *

— Анастасия —

До самого позднего вечера я не отходила от кровати Воина.

Это было похоже на бесконечную смену в реанимации, только без капельниц, мониторов и кофе.

Делала компрессы на глаза, меняла их каждые два часа, и промывала отваром ромашки, убирала гной.

Глаза были воспалёнными, но уже не такими страшными, как сегодня.

Поила его своей настойкой из чеснока, мёда и «воды» Менделеева.

Воин морщился, отворачивался, но пил, сначала с моей помощью, я вливала ложку за ложкой, а потом, когда жар спал, и он начал приходить в себя, стал пить сам.

Вечером я сделала перевязку на ногах.

Размотала повязки и осмотрела раны. Нарывы, к моей радости, больше не гноились.

Те места, где я вскрывала гнойники, подсохли и покраснение вокруг них уменьшилось.

Отёк спал, и ноги уже не были похожи на брёвна.

— Хорошо, – проговорила сама себе. – Очень хорошо.

Я обработала раны, Воин зашипел, но вытерпел экзеку-

цию, и я наложила новые повязки, с тем же отваром.

— Неплохо для полевых условий, – пробормотала я, завязывая последний узел.

Дуняша, которая стояла рядом с тазиком и тряпками, спросила:

— Что значит для «полевых условий», сударыня? Мы же в усадьбе.

— Это значит, что я работаю с тем, что есть, а не с тем, что надо, – ответила ей.

Она не совсем поняла, но кивнула.

Самое главное, что жар не возвращался.

Я трогала лоб Воина каждые полчаса. Сначала боялась, что температура подскочит снова, такое часто бывает, когда инфекция притаилась, но лоб был сначала тёплым, теперь всё время оставался прохладным.

Пульс у него был ровный, и дыхание спокойное.

— Держись, – шептала ему постоянно. – Эту ночь переживёшь, значит, всё, мы победили эту гадость, ты будешь поправляться.

Он не отвечал, крепко спал. Иногда метался, что-то бормотал.

Один раз позвал какого-то Георгия, другой раз крикнул «*держать строй!*»

Видимо, война ему снилась.

Я поила его куриным бульоном, когда он просыпался. По ложечку, по ложке. Он не сопротивлялся, ведь сил не было,

послушно открывал рот, как птенец, глотал и снова проваливался в сон.

Я ела здесь же, в кресле у кровати.

Дуняша приносила еду. Прошка тоже сидел в углу, дремал, но на каждый мой оклик вскакивал, как ошпаренный.

— Вы бы спать легли, сударыня, – ворчала Дуняша, глядя на мои красные глаза. – Я постерегу.

— Не могу, – вздохнула я. – Потом. Когда он будет вне опасности.

Дуняша тоже вздохнула и перекрестилась на икону в углу.

И тут за дверью началось.

— Пустите меня! – донёсся знакомый голос, от которого у меня задёргался глаз. – Я требую! Я мать этой неблагодарной!

Клавдию Петровну принесло.

Я закатила глаза.

— Опять она, – проговорила устало.

— Третий раз за день, сударыня, – подтвердил Прошка. – Всё прорваться пытается, даже мужики наши её еле сдерживают.

Я посмотрела на Воина, он крепко спал. Надеюсь, этот бабий ор его не разбудит.

— Ладно, – вздохнула я, вставая. – Придётся выйти, а то она мне все нервы вымотает. А нервы мне ещё пригодятся.

И я вышла в коридор, плотно притворив за собой дверь.

Клавдия Петровна стояла перед двумя здоровенными му-

жиками, которых Прошка поставил на пост.

Она была красная, как помидор, подбородки тряслись, глаза метали молнии.

— Что здесь происходит? – спросила ледяным тоном.

Она оскалилась и затараторила:

— Дура! Ты позоришь не только себя и графа, но и всех нас! Слуги шепчутся! Слухи пойдут по всей империи! Жена графа, а ведёшь себя как сиделка! Это невысказано! Позор на наши головы! Нас никто никуда не пригласит!

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри меня закипает злость.

Этой тётки слишком много. Она занимает слишком много места в этом мире – своими подбородками, противным голосом и своей наглостью.

Бедная девочка, которая жила в этом теле до меня. Как она столько лет выдерживала под гнётом этой бешеной мимры?

— Знаете, что, Клавдия Петровна, – сказала я спокойно. – Раз вам так стыдно тут, то скорее собирайтесь и уезжайте.

Она замерла. Рот открылся, но звука не последовало.

— Вот прям сейчас, – добавила я и махнула рукой, таким жестом, каким обычно говорят «убирайтесь вон».

— Ах ты, змея подколотная! – рявкнула она, придя в себя. – Откуда эта гордыня и непотребство в тебе взялись?! Где моя кроткая и милая дочь?!

Я скрестила руки на груди.

— Я вам не дочь.

— Дочь, как есть дочь! – заорала она. – Я тебя вырастила, неблагодарная! Посмотри на себя! Хорошее платье испоганила! Ты знаешь, сколько оно стоило?!

Я усмехнулась.

— Уж вы точно знаете, что и сколько стоит. Я по ситуации с бараниной отлично это осознала.

Клавдия Петровна побагровела.

— Что ты сказала?!

— Так, на этом всё, – заявила я. – Разговор окончен. Валите на все четыре стороны, желательно подальше от меня и моего мужа, и прямо сейчас. Не желаю с вами никаких дел иметь и общения с вами не хочу ни под каким соусом.

Женщина от гнева снова пошла красными пятнами.

Лицо её напоминало географическую карту неизвестного материка, всё в красных разводах.

Мужики, что стояли у двери, едва не заржали. Я заметила, как один отвернулся и затрясся от беззвучного смеха.

— Твой отец желает говорить с тобой, неблагодарная! – рывкнула Клавдия Петровна.

Отец. Да, кстати. А где он? Почему он ни разу не появился? Уж здоров ли?

Или тоже... при смерти?

— Я поговорю с ним, – сказала твёрдо. – Скоро. Так и передайте ему.

— Он желает сейчас!

— А я желаю, чтобы вы исчезли.

Я повысила голос.

— И я очень надеюсь, с моим отцом всё в порядке. Но если вы, Клавдия Петровна, его чем-то кормите или поите, чтобы управлять им, как марионеткой, я это выясню. И тогда вам сильно не поздоровится.

Она побелела. Потом снова покраснела.

Потом открыла рот, закрыла, открыла снова, как рыба, выброшенная на берег.

— Ты... ты... Да ты-ы-ы... — прошипела она.

— Я, как есть я, — хмыкнула в ответ. — А теперь — уходите.

Я повернулась и вошла обратно в комнату, с огромным удовольствием закрыв дверь перед самым носом Клавдии Петровны.

— Дуня, — сказала я, прислоняясь к двери и переводя дух. — Как здоровье моего папеньки?

Дуняша пожала плечами.

— Как-как? Да как всегда, сударыня. Он ничем не интересуется, кроме карт. То пасьянсы раскладывает, то со слугами играет. Иногда на погоду жалуется, что кости у него ноют. А так он жив-здоров.

— Слава богу, — вздохнула я. — Хоть одна хорошая новость.

Я прошла к креслу, рухнула в него. Силы кончались. Я посмотрела на Воина. Задумалась.

Мачехе выгодна смерть Воина. И моя тоже.

Она и отец – единственные наследники, если мы оба умрём.

Чёрт. Мне позарез надо мужа вытащить. И я это сделаю.

* * *

Ночь почти наступила.

В комнате горели свечи, и их свет дрожал, отбрасывая тени на стены.

Я сидела в кресле, дремала, но не спала, каждые полчаса просыпалась, проверяла пульс, трогала лоб.

Воин спал, и жар не возвращался.

И вдруг я услышала:

— Воды...

Тихий, хриплый, но осознанный голос.

Я широко распахнула глаза.

Воин лежал хоть и с мутными и воспалёнными глазами, но зато с открытыми.

— Воды, – повторил он.

Я вскочила, и налила из кувшина воды, поднесла к его губам.

Он пил очень жадно.

— Медленно пей, – произнесла я. – Не торопись.

Он отпил половину кружки и тяжело откинулся на подушку.

— Ты... – выдохнул он. – Ты здесь. Зачем?

— А где ж мне быть? – спросила удивлённо. – Я вообще-то твоя жена. В болезни и здравии, или забыл?

Он помолчал, а потом прошептал:

— Ясно.

И закрыл глаза.

— Ты как? – спросила его. – Голова не болит?

— Нет, – ответил он. – Слабость только, и пить очень хочется.

— Пей, – разрешила я. – И поешь.

Он вдруг слабо, едва заметно улыбнулся.

— Ты странная, – заметил он.

— Привыкай.

— Привыкаю, – хмыкнул в ответ, и снова закрыл глаза.

Я сидела рядом, смотрела на него и думала: *«Вот это здоровье! Точно медведь! Лежал при смерти и вот уже шутит».*

— Спи, – проговорила я. – Завтра будет новый день.

— А ты? – спросил меня, не открывая глаз.

— А я здесь посижу.

— Не убежишь?

Я усмехнулась.

— Никуда от тебя не денусь. Ты мой, а я своих не бросаю.

Он не ответил, только руку протянул, вслепую, наугад, и я взяла его за руку.

— Спи, – повторила я. – Спи, а я рядом.

И он уснул.

* * *

Новый день порадовал меня.

Не солнцем за окном (хотя оно тоже светило, и даже довольно ярко), не пением птиц (хотя они горланили где-то на крыше), и даже не тем, что мачеха на время затаилась и заткнулась.

Новый день порадовал меня тем, что Михайлов Воин Иванович, граф и муж мой, открыл глаза.

Видеть не мог пока что, но зато он уже не в бреду и не в горячке был.

Я положила руку ему на лоб. Кожа была тёплой, но не горячей. Пульс у него ровный, сильный.

— Жара нет, – сказала с улыбкой. – И вообще всё будет хорошо, если будешь делать, что скажу.

Он лишь слегка нахмурился.

Дальше началась утренняя суета.

Воин лежал в постели, и ему требовалось... ну, вы поняли. По делам утренним.

Прошка принёс судно, замялся, посмотрел на меня.

— Чего ждёшь? – спросил Воин.

— Так сударыня же здесь... – пробормотал Прошка, краснея.

— А сударыня – его жена, – напомнила я. – Или ты хочешь, чтобы граф прямо в постель...

— Не кипятись, – перебил Воин меня. – Выйди, пожалуйста. Не хочу, чтобы ты видела...

И Воин покраснел. Я аж глаза протёрла, медведь краснеет? Бывает же такое.

— Боже... Стыдится такого... — вздохнула я.

— Мужчинам не может быть стыдно, — пробурчал он.

— Может, может, — сказала, уже направляясь к двери. — Особенно когда жёны рядом. Так что давай, Прощка, действуй, так и быть, подожду в коридоре.

Я вышла, притворила дверь. Прислонилась к стене, прикрыла глаза.

Дуняша как раз пришла, встала рядом.

Через пять минут Прощка выглянул, сказал, что всё готово. Я вернулась в комнату.

— Простыни сменить надо, — сказала я, осмотрев постель. — Дуня, позови слуг, пусть помогут. Пересадим графа в кресло, пока будем менять бельё.

Воин попытался возразить, но я не дала ему шансов.

Мужики, те самые, что стояли стражей у двери, вошли, помогли поднять графа, пересадили в кресло у камина.

Воин шипел, негромко ругался, но терпел.

— Хорошо, — сказала я, пока слуги меняли простыни. — Теперь давай посмотрим на твои глаза.

Я подошла к нему, наклонилась и внимательно осмотрела. Бельма были те же, но воспаление спадало.

— Прогресс на лицо, — произнесла уверенно. — Промоем сейчас, компресс новый сделаем, и так каждый день.

— Ты, правда, думаешь, что это поможет? — спросил он тихо.

— Я не думаю, — ответила ему, — я знаю.

Он промолчал.

Я отошла к столу, где стояли отвары и настойки. Приготовила свежий раствор для глаз, и для ног сделала тот же состав, но покрепче.

Для питья ту же настойку, которую Воин вскоре возненавидит лютой ненавистью.

— Дуня, – позвала служанку, не оборачиваясь. – Есть ли неподалёку хорошая травница или знахарка?

Дуняша подошла ближе, зашептала:

— Есть, сударыня, она в соседней деревне, бабка Марфа. Её все боятся, но травы у неё хорошие.

— Вот и отлично, – обрадовалась я. – Сходишь к ней?

— Ой, сударыня... – Дуняша замялась. – Боюсь я её...

— Чего это?

— Так ведьма она... говорят, – прошептала Дуняша, и глаза её стали круглыми, как плошки. – А вдруг она меня проклянёт нечаянно или в жабу превратит?

Я повернулась к ней.

— Дуня, – произнесла очень серьёзно. – Если она умеет в жабу превращать, пусть скажет, как это сделать, я с удовольствием применю заклинание на мачехе.

Дуняша хихикнула.

— А про остальное брось, глупости всё. Раз боишься её, значит, женщина в своём деле грамотная. Так что собери корзину съестного... Хлеба там, мяса бараньего кусок, чего найдётся и иди к ней. Скажешь, что от меня, графини Ми-

хайловой. И попросишь трав.

Я подошла к столу, взяла лист бумаги, перо.

— Напишу список.

Я задумалась. Что нужно?

Для глаз, иммунитета. Для ног. И для успокоения.

Я начала писать и замерла на середине.

Почерк...

Мой почерк был красивый, какой-то аристократичный

Я писала в прошлой жизни, как курица лапой. Врачебный, быстрый почерк, нечитаемый даже для фармацевтов. А тут истинная каллиграфия.

«Ничего, – подумала я с усмешкой. – Врачебная душа это исправит. Но... А ведь нельзя в этом времени писать некрасиво... Эх...»

Я дописала список и протянула Дуняше.

— Вот, держи.

Дуняша взяла листок, посмотрела на него круглыми глазами, потом длинно и тяжело вздохнула.

— Сударыня, – проговорила она виновато. – Простите меня, но я... слабо обучена грамоте. Читать и писать немного умею, но а вдруг что напутаю и не так прочту?

Я замерла.

— Что?

— Мы, крестьянские, редко грамоту знаем. А про травницу я совсем не знаю. А вдруг она читать не может?

Вот же... засада!

Девятнадцатый век, мать его! Должны были уже все писать и читать, но не-е-ет.

— Вот же... – прошипела я. – Ладно. Список ей всё равно покажешь, вдруг знает грамоту. А ты тогда запомни всё. Ничего не забудь, ладно?

— Хорошо... – Дуняша покраснела, стыдно ей стало.

Я вздохнула, присела к столу, перечислила всё по порядку. Дуняша шевелила губами, повторяла, запоминала.

— Запомнила, – кивнула Дуняша.

— Хорошо. И возьми с собой кого-нибудь, чтобы не бояться.

Я сжала и помассировала виски. Голова раскалывалась.

После трёх дней беспамятства, после бессонной ночи и всей этой возни с мачехой и докторусами, организм требовал отдыха.

Но отдыхать было некогда.

— Ох, вам бы поспать, да поесть нормально, – сказала Дуняша. – И баньку хотели, а оно вон как...

— Баню на сегодня организуй, – попросила я. – Сильно помыться хочу, а то, как бы вши и блохи не завелись.

Дуняша хихикнула.

— А поесть нам с Воином должны уже скоро принести, – добавила я.

— Что ты там шепчешься? – раздался из кресла ворчливый голос Воина. – Меня со слугами обсуждаешь?

Я встала, отпустила Дуняшу к травнице, сама подошла к

мужчине.

Взяла его за руки, чуть сжала, чтобы проверить, есть ли сила.

— Конечно, тебя обсуждаю, — сказала я. — Говорю Дуняше, что муж у меня здоровье имеет богатырское. Такой большой, сильный, ну точно медведь. А значит, поправишься вскоре. И про зрение с ногами я тебе честное слово даю: ты будешь видеть и ходить тоже. Просто делай, как скажу, и всё получится.

Он снова нахмурился, но не возразил. Руки не выдернул. Наоборот, чуть погладил мои костяшки своими сильными пальцами.

И вдруг спросил:

— Меня из горячки ты вытянула? Твой голос слышал...

— Я, — ответила ему. — А кто ж ещё? Тут вчера трое «самородков» свои задницы притащили, так они с тобой такое хотели сделать... Поверь, ты бы сейчас не сидел здесь и не говорил. А вот Клавдия Петровна уже бы лезгинку от счастья танцевала...

— Не узнаю я тебя, — произнёс он спустя целую минуту размышлений. — Увидеть бы тебя, а то чувство у меня, что другой человек со мной рядом. Не та Анастасия, на которой женился...

У меня по спине холодок прошёлся.

Он человек военный. Интуиция и логика хорошо развиты. Если начнёт задавать вопросы, то, что я отвечу?

Что я из будущего?

Что его настоящая жена умерла, а в её тело вселился хирург?

— А я и не та больше, — сказала тихо. — Считай, что переродилась я. Побывала на другой стороне жизни... и смерти... После такого любой бы поменялся. Да и знания мне дали, и чтобы с умом их применять, ума тоже дали. Понимаешь?

— Странно говоришь, — вздохнул он. — Но хорошо. Я ощущаю, что ты дело своё знаешь.

Я выдохнула. Кажется, пронесло.

Глава 10

* * *

— Анастасия —

Воина вернули на кровать.

И еду принесли.

Сегодня было сытно. Каша с маслом, куриный бульон, хлеб, сбитень. Даже кусок мяса, одним словом, барана я для нас добыла.

— Я сам, – сказал Воин, когда я сказала, что покормлю его.

— Ты пока слаб, – вздохнула устало. – Руки трясутся. Разольёшь на чистое бельё. Я тебя покормлю, успокойся.

— Не надо меня жалеть, – проворчал он.

— Жалости нет, и не будет, – сказала резко. – Я тебя не жалею. Я тебя лечу. А лечение включает в себя питание. Открывай послушно рот или привяжу тебя и буду насильно кормить. Выбирай.

Он послушался и открыл.

Я кормила его ложка за ложкой. Он не сопротивлялся, но лицо у него было такое, будто его пытаются. Гордый медведь, который не привык, чтобы кто-то о нём заботился.

— Вот, – сказала довольно, когда бульон и мясо были съедены. – А теперь сбитень. Пить сам можешь, или мне тебя поить?

— Сам, – буркнул он и взял кружку.

Я сидела рядом и смотрела на него.

Вдруг Воин резко протянул руку и сильно, но не больно схватил меня за запястье. Я не дёрнулась.

— Ты! – выдохнул он, ощупывая мою руку. – Ты не та.

— Я уже тебе всё рассказала, – ответила спокойно, но страх у меня всё равно появился.

— Ты была пугливая, руки всегда дрожали, и вечно эти слёзы. И двух слов связать не могла, а сейчас ты странная.

Он провёл пальцами по моей ладони, и я почувствовала, как его шершавые пальцы касаются моей кожи.

— Уверенная, – добавил он, – сильная, и руки не дрожат.

— Сейчас не дрожат, а вчера очень даже дрожали. Я сама ещё не отошла от болезни.

— Ты лечила меня, – произнёс он со странной интонацией.

— Лечила, а что не так?

— Зачем?

— Потому что я – твоя жена, – ответила ему. – И потому что ты – мой муж. И потому что ты мне нужен живым и здоровым, а не трупом.

Он хмыкнул.

— Прагматично.

— А вы, граф, от купеческой жены не ожидали прагматичности?

— Не ожидал, – хмыкнул он. – Моя жена всё время пла-

кала, страдала. Я был тебе противен, а сейчас... Тебя, что, подменили?

— Не подменили, – проговорила тихо. – Я просто стала другая. Переосмыслила свою жизнь, пока в беспамятстве была. И тебе, благородие, придётся с этим смириться.

Он молчал. Пальцы его всё ещё сжимали мою руку.

Я не отдёрнула.

Вместо этого я взяла его за запястье другой рукой, нащупала пульс. Посчитала.

— Сила к тебе возвращается, – сказала я. – Сто процентов жить будете, граф Михайлов.

Он улыбнулся.

Криво, одними уголками губ, но улыбнулся.

— Ты стала очень странная, – настаивал он.

Вот же допытливый какой.

Что-то мне подсказывает, что как только он полностью оправится, устроит мне допрос с пристрастием.

Надо будет подумать, что отвечать.

И Дуню ещё спрашивать надо насчёт жизни моей предшественницы и вообще узнать, что в мире творится.

— Ты это уже говорил, – рассмеялась я.

— Привыкнуть не могу.

— Привыкайте, граф. Я никуда не денусь.

Он отпустил мою руку. Откинул голову на подушки.

— Налей ещё сбитня, – попросил он. — И расскажи свою версию, что тут без меня творилось. А то мне таких страстей

рассказали...

— А вы, граф, готовы слушать?

— Не называй меня графом, – сказал он. – Я купцом всегда был. Графом я стал от женитьбы на тебе, забыла? Ты – купеческая жена, Настя. Запомни это.

Да мне как-то вообще параллельно, какая я жена – купеческая или графская. Главное, что мужик хороший, а это сразу видно.

Я налила сбитень в две кружки. Одну протянула ему точно в руку, вторую взяла себе. Села в кровати рядом, вплотную.

— Вот слушай, Воин. Только держись крепче. Потому что новости – дерьмо.

Он хмыкнул.

— Откуда только такие слова знаешь? И как только осмелилась вслух сказать? Но да ладно... А к дерьму мне не привыкать.

— Вот и славно, – проворчала я.

И рассказала ему всё.

Про мачеху и барана, про докторусов с пиявками и клизмой. Про всё, что сама недавно узнала.

Он слушал молча.

— То-то мне странно стало, что письма от моего управляющего не приходили. И уж хочется узнать, а мои-то доходили?

— Думаю, все твои письма у Клавдии Петровны. А управ-

ляющий твой, если письма и отправлял... Не удивлюсь, если сия предприимчивая особа их перехватывала... Если управляющий вообще жив.

Воин потемнел лицом, брови сдвинулись, руки в кулаки сжались.

— Эй, тише... – взяла его руку в свою. – Расслабься. Всё, что могло плохого случиться, случилось. Мы всё исправим. Главная наша задача – это поправить твоё здоровье. Слышишь?

— Слышу... – сказал он. – Тогда, жена, давай быстрее поставим меня на ноги и вернём мне зрение, раз ты уверена в себе и высшие силы наградили тебя целительским даром.

— Мгновенно не будет, наберись терпения, медведь.

— Медведь? – удивился он. – Ты назвала меня медведем?

* * *

Дуняша вернулась под вечер.

Лицо у неё было красное. Она вся запыхалась, но сияла, как, как начищенный самовар.

Вместе с помощниками притащила огромную корзину, из которой торчали пучки трав, пузырьки, склянки и какие-то тряпичные мешочки.

— Сударыня! – воскликнула она, без сил рухнув на лавку. И начала обмахиваться фартуком. – Ох, и натерпелась же я страху! Бабка Марфа сначала на меня так глянула, так глянула... Уф! Я уж подумала, всё, пропала ваша служанка.... А потом она корзинку от вас увидала, да так обрадовалась,

что не с пустыми руками к ней... Ой, а когда она узнала, что от вас... Так захохала... И давай мне всё это добро вручать!

Я подскочила к корзине, как ребёнок к новогоднему подарку.

— Травы все дала?

— Дала, сударыня, всё по списку. Как просили.

— Она что, читать умеет? – удивилась и обрадовалась я.

— Оказалось, что таки да, умеет, – кивнула Дуняша. – Она из обедневших дворян.

Я уже рылась в корзине, не слушая её.

Бог мой, настоящая очанка!

Трава была сушёная, пахучая и по первому виду, кажется, что это свежий сбор.

Эхинацея – это вообще удача! Здесь на такое растение я могла только во сне рассчитывать.

Ещё она положила арнику, окопник, пустырник, валериану... И это не всё.

Блин, я лично травницу обниму, и руки ей расцелую.

— Дуня, а это что? – я вытащила маленький глиняный горшочек, запечатанный воском.

— А это, сударыня, от головы. Бабка Марфа сказала: *«Передай графине, пусть понюхает, когда голова болеть станет и боль в один миг отпустит».*

Я открыла горшочек и понюхала.

Мята, лаванда. Отлично! Мигрень, хана тебе!

Я продолжала вытаскивать сокровища.

Пузырёк с мутноватой жидкостью. «От колик в животе», объяснила Дуняша.

Ещё один пузырёк с «прочистительным». Ха-ха, ну, куда ж без него, родимого.

В этом времени, похоже, это панацея от всех болезней, наравне с кровопусканием.

Третий оказался с мазью для заживления. Мазь пахла дёгтем и мёдом.

А ещё мыло!

— Дуня, мыло! – я поднесла к носу коричневатый брусок, пахнувший приятно.

— Сама бабка Марфа варила, сударыня. Сказала, что кожа после него мягкая, как у младенца.

Я чуть ли не по потолку от радости бегала.

— Вот это женщина, вот это знахарка! Передать надо будет ей мою благодарность, а лучше сама к ней заеду, когда граф поправится.

Дуняша кивнула, но смотрела на меня странно. Как-то так, будто видела в первый раз.

Или не узнавала.

Я замерла.

— Что, Дуня?

— Да ничего, – проговорила она, потупив взгляд. – Просто... не узнаю я вас. Совсем...

— А ты привыкай, – фыркнула в ответ, возвращаясь к корзине. – Новая жизнь и новая я.

Дуняша вздохнула, но промолчала.

Я понимала её.

Она видела перед собой не ту кисейную барышню, которая плакала и ныла, а какую-то ошалевшую женщину, которая орёт на докторов, вскрывает мужу нарывы, при этом не грохается в обморок и прыгает от радости при виде трав.

Эх, не актриса я. Далеко не актриса.

Не умею притворяться.

Но, может, оно и к лучшему. Меньше вранья, меньше проблем? Или всё наоборот?

* * *

Следующие два дня я лечила Воина по-новому, с новыми травами и новыми силами.

Утром у нас было промывание глаз отваром очанки.

Компресс сделала на полчаса.

Днём и вечером проделывала то же самое.

Для ног использовала мазь бабки Марфы.

Ох, и пахучая мазь оказалась.

Втирала её аккуратно и нежно, чтобы не повредить заживающие раны.

Внутри давала чесночно-медовую настойку, которую Воин возненавидел уже окончательно и бесповоротно.

— Ты с ума сошла, женщина? — рявкнул он в первый раз, когда я залила ему нового отвара только в один глаз.

— Не сошла, — спокойно ответила я. — Это лекарство, Воин. Очанка называется. От бельма помогает.

— Это дрянь, а не лекарство! – рычал он.

— Сиди смирно. Совсем немного пощиплет и пройдёт....

Ну? Чего ты?

— Нет! Хватит!

Я не стала слушать.

Жёстко взяла его за подбородок, как учили на осмотре буйных пациентов, и залила средство во второй глаз.

— А-а-а! – заорал Воин, откидываясь на спинку кресла. – Ведьма! Ты окончательно ослепить меня решила!

— Я тебя лечу, дурень, – беззлобно сказала на его ругательства, удерживая его голову. – Да не дёргайся ты, надо ещё по второму разу залить. Пять минут потерпишь, зато полегчает.

Он дёргался, ругался, проклинал меня, на чём свет стоит, поминая и мою мать и отца моего и всех знахарей мира, и особенно ведьму Марфу!

— Не поможет! – рычал он. – Жжёт так, что не поможет! А-а-а-а!

— Поможет, – процедила я.

Пять минут прошли. Ещё залила, ещё выслушала поток брани.

Потом промокнула глаза чистой тряпкой.

— Ну? – спросила недовольно, потому что он выбесил меня. – Открывай.

Он открыл.

И замер.

— Ну? – повторила я.

— Я... вижу... – сказал он медленно. – Всё ещё мутно, но... чуть лучше. Контуры вижу и даже света стало больше... Не могу поверить...

Я с облегчением улыбнулась. Всё-таки травы – это вещь.

— Вот видишь, а ты орал, как бешеный зверь.

Он помолчал, а потом сказал:

— Ты, правда, знаешь, что делаешь?

— Правда. И уже говорила тебе об этом. Забыла? – ответила я. – Но замечу, что ты, Воин Иванович, просто молодец. У тебя иммунитет хороший. Жизненные силы ого-го. Без этого всё было бы дольше и не факт, что так эффективно.

— Иммунитет? – переспросил он.

— Защитные силы организма, – пояснила я. – То, что помогает тебе бороться с болезнями. У кого-то этой силы много, у кого-то совсем нет. А у тебя сила медвежья.

Он хмыкнул.

— Ты меня медведем называешь. Странно так.

— Ну а кто ты? Как есть медведь, – хмыкнула я. – Не человек, а сплошная мощь. Даже больной, слепой, а всё равно большой и сильный.

Он повернул голову в мою сторону. Не видел, но чувствовал.

— Ты меня... боишься?

— Нет, – честно ответила ему. – Я тебя уважаю, Воин. А это разные вещи.

Он не ответил, но его губы дрогнули в улыбке.

Глава 11

* * *

— Анастасия —

В тот же вечер я наконец-то помылась.

О, русская баня!

Дуняша проводила меня в предбанник, раздела и укутала в простыню.

Потом открыла передо мной дверь в парную, и на меня обрушился такой мощный и горячий аромат, что я чуть не расплакалась от счастья.

Баня при усадьбе Михайловых была добротной.

Не какой-нибудь там сарай, а хорошая, сложенная из толстых брёвен.

Здесь пахло горячим, смолистым деревом.

Пахло распаренными берёзовыми вениками, которые лежали в кадках.

Ещё очень вкусно пахло ржаным хлебом.

— Ох, хорошо-то как, – выдохнула я, переступая порог.

— Садитесь, сударыня, – сказала Дуняша. – Я вас попарю.

— Не надо... Сама я.

Но Дуняша уже взяла веник.

— Ложитесь, сударыня, я умеючи, вы так не сможете.

Ладно. И я легла на полук.

Дерево было горячим, но приятным.

Дуняша принялась парить, аккуратно и умело, как будто делала это всю жизнь.

Веник хлестал меня по спине, ногам, рукам, но не больно, а правильно, выгоняя хворь из каждого сустава.

— Ой, мамочки, – простонала я. – Кайф-то какой.

— Чего, сударыня? – не поняла Дуняша.

— Хорошо, говорю, – поправилась я. – Очень хорошо!

Мы парились долго. Я выходила, окуналась в ледяную воду, которую натаскали в баню из колодца, потом снова заходила.

Сердце колотилось, тело горело, но каждая клеточка пела от счастья.

Когда я вышла из бани, то чувствовала себя заново родившейся.

И даже по ощущениям сил прибавилось столько, что можно было горы свернуть.

— Дуня, – сказала я лениво. – Теперь я понимаю, почему русские мужики такие здоровые. С такой-то баней никакая хворь не пристанет.

Дуняша засмеялась.

— Вы, сударыня, сегодня впервой так парились. А раньше всё отказывались.

— Раньше я душой была, – хмыкнула в ответ. – Но я поумнела.

Дуняша покачала головой, но спорить не стала.

* * *

А на следующий день я наконец-то познакомилась с батюшкой.

Аркадий Петрович, отец моей предшественницы, жил в отдельной комнате на первом этаже.

Я негромко постучала.

— Войдите, – раздался тихий и безжизненный голос.

Я вошла и осмотрелась.

Комната была скромной.

Даже слуги жили лучше.

Простая кровать, застеленная старым одеялом, стол, стул, икона в углу.

Никаких излишеств, никакого уюта.

Аркадий Петрович сидел на стуле у окна, смотрел куда-то вдаль.

Был он высоким, это видно было даже сидя, но хилым.

На чём только душа держится?

Голова у него в буйных кудрях, но совершенно седых.

Лицо у батюшки было породистое, с тонкими чертами и орлиным носом. Когда-то он был красив, но потом что-то пошло не так и жизнь выпила из него все соки.

Исхудал он сильно, да постарел.

Но самое главное, глаза у него были блеклые и безжизненные.

Руки мелко и часто тряслись, как у старика, хотя ему было, наверное, лет пятьдесят.

Одет он был неряшливо и в старьё. И обут был туфли,

которые давно просили каши.

Даже слуги здесь одевались чисто и добротню.

Вот куда мачеха смотрит, не скажите мне? Не баба, а монстр в платье.

— Настенька? – спросил он, увидев меня. – Ты ли это?

— Я, батюшка, – сказала, подходя ближе. – Как вы?

Он внимательно посмотрел на меня, но взгляд его был виноватым и затравленным.

Потом он опустил голову и уставился в пол.

— Всё хорошо у меня, Настенька, – пробормотал он тихо. – А вот матушка твоя жалуется, говорит, что ты кричишь на неё и обижаешь.

Я скрипнула зубами.

— Не мать она мне, – проворчала я в ответ, стараясь говорить спокойно, но гнев всё же прозвучал в голосе. – Змея она, вот кто. И не кричу я на неё, а на место ставлю, а это разные вещи.

Аркадий Петрович поднял голову, и в его глазах появилось удивление.

— Дочка, а ты после болезни изменилась. Клавдия права.

— Изменилась, – согласилась с ним. – И это к лучшему. А вот вы, батюшка, что-то не очень хорошо выглядите.

Он вздохнул, откинулся на спинку стула.

— Что ты от меня хочешь, дочь моя?

— Хочу, чтобы вы привели себя в порядок, – заявила ему. – Выглядите как мухомор. Хотя фактура есть. Позовите слуг,

пусть вас отмоют, переоденут, не проблема же!

Аркадий Петрович усмехнулся, горько так и невесело.

— Меня они не слушают. Клавдия всеми командует.

Я эту Клавдию скоро лично буквой зю заверну и сплавлю в Сибирь.

— Зато меня послушают, – сказала уверенно и зло – Я здесь хозяйка, а не она. Так что не переживайте, я распоряжусь.

Он долго молчал, удивлённо смотрел на меня, и головой покачал.

— Настенька, – сказал он вдруг. – Ты на мать так похожа. На Есению. Она... тоже гордая была. Истинная графиня, как и ты... Я же простой был... а она...

Он умолк.

А я не знала, что ответить.

Я не знала Есению.

Но, наверное, это был комплимент.

— Батюшка, – сказала я. – Вы про делишки Клавдии что-то знаете? Про то, как она хозяйство моего мужа разоряет? Про то, как она меня... точнее, нас... грабила?

Он опустил глаза.

— Знал... – прошептал он. – Но что я мог? Она...

— Ясно. Она вас под каблук взяла, – закончила я зло. – Но это не оправдание. Из-за вас, батюшка, я выросла несчастной. Вы меня не защитили, продали за титул и долги. Это счастье, что Воин оказался хороший и порядочный! А попался бы какой-нибудь урод, и что? На дочь болт положили,

да?

Я замолчала. Голос дрогнул.

Аркадий Петрович сидел, сжавшись, как от удара. Лицо его стало белым, потом серым.

— Прости меня... Настя... — сказал он тихо. — Прости, дочка..

— Простить — это не ко мне, — заявила, наверное, чересчур, жёстко. — Бог простит, у меня такой власти нет. Но зато я здоровьем вашим займусь. Сил нет смотреть, как вы себя запустили. И с Клавдией поменьше общайтесь. Сдаётся мне, вы не всё про неё знаете. Понял меня?

Он кивнул.

Я подошла к двери, обернулась.

— Я буду эту особу раскулачивать и на чистую воду выводить, — предупредила папеньку. — Так что, если что-то знаете, скажите лучше прямо сейчас.

Аркадий Петрович поднял на меня свои блеклые глаза.

Рот его открылся, но звука не последовало. Он просто удивлённо и испуганно смотрел на меня, но с надеждой.

— Анастасия... — прошептал он. — Я не узнаю тебя...

— Привыкайте, батюшка, — сказала я с кривой улыбкой. — Ваша дочь, наконец, повзрослела.

И вышла, закрыв за собой дверь.

* * *

Вечером я сидела в кресле у кровати Воина.

Мужчина спал.

Лечение шло хорошо.

— Дуня, – тихо позвала служанку. – Как думаешь, что с моим отцом? Почему он такой... сломленный?

Дуняша вздохнула.

— Вы же знаете, сударыня. После смерти вашей матушки он так и не оправился. А Клавдия Петровна... она его... как будто добила. Сначала жалела, потом командовать стала, а потом под себя подмяла.

— А он не сопротивлялся... – вздохнула я.

— А как? – пожала плечами Дуняша. – Он без неё пропал бы. Она за вами следила, за домом тоже... ну, сначала. А потом...

— А потом она приняла нашу мягкость и доброту за слабость и поняла, что можно это использовать, – закончила я. – Чую, она себе нехилую такую заначку устроила. Вопрос, где эта заначка?

Дуняша снова пожала плечами.

Я посмотрела на свои худые руки.

Что ж, мне предстоит ещё ни один бой.

* * *

Слава богу, новое утро началось хорошо.

Нам с Воином подали сытный завтрак.

— Так, а что это у нас так божественно пахнет? – спросила у слуг, которые накрывали нам.

— Кулебяка, сударыня, – ответила служанка голосом, полным гордости. – Она с бараниной. Повариха для вас

очень старалась.

На столе дымились две тарелки с рассыпчатой кашей и огромными кусками масла.

Оно медленно таяло, затекая в золотистые разводы.

Ещё стояла миска с румяными и пухлыми пирожками с поджаристой корочкой.

А в центре этого великолепия возвышалась она, кулебяка с бараниной.

М-м-м, красота...

Тесто было слоёное, золотистое и с хрустящей корочкой.

Я разрежала кусок, и из него повалил густой пар.

Внутри была ароматная начинка из рубленой баранины, с луком.

Сок вытек янтарными каплями, тесто впитывало его, становясь мягким и ароматным.

Я положила кусок Воину на тарелку, и сама взяла себе кусок побольше и смачно откусила.

Всё. Пусть мир остановится и подождёт, пока я поем.

Это было нереально вкусно.

Ощущение из разряда «я-сейчас-умру-и-в-рай-попаду».

Баранина таяла на языке, тесто хрустело, лук давал сладковатую нотку.

Боже. Только за эту кулебяку стоило перенестись в прошлое. Ничего вкуснее я не ела.

— Ты так чавкаешь, будто у тебя, кто отбирает, – фыркнул Воин.

Он хоть и не видел, но ел как прирождённый аристократ.
— А кто знает? Вдруг сейчас Клавдия Петровна влетит и отберёт? – пошутила я.

Воин рассмеялся.

Он ел маленькими кусочками и так филигранно, что аж бесит меня начал.

А я ела, как какая-то неблагородная. Да и пофиг.

Я съела кусок кулебяки, потом второй.

Кашу тоже умяла в два присеста. Пирожки в меня залетели аж два штуки.

И запила всю эту вкусноту горячим и пряным сбитнем.

Воин всё ещё ел кулебяку.

Такими темпами он до следующего утра будет завтракать.

— Передать надо будет поварихе, что она гений. Это просто пир для моего живота.

— Обычная еда, Настя, – не понял он моего восторга. – Самая простая. Деликатесов этот дом давно не видывал.

Да и к чёрту деликатесы, когда такие кулебяки стряпают!

Но Воину не сказала.

Я достала отвар с очанкой. Воин уже знал, что будет дальше и скривился.

— Опять будешь капать эту мерзость?

Он даже кулаки сжал, так не нравилось ему моё лечение. Но ведь действовало!

— Опять, – рассмеялась я. Начала зубами откупоривать пробку. Отфыркалась и сказала: – А ты, милый мой, будешь

терпеть, пока глазам не станет лучше.

— Им уже лучше, – признался он нехотя. Вздыхнул, смиряясь с неизбежным.

— Вот видишь, моё лечение очень хорошо работает. Не то, что эти твои эскулапы хреновы... Они бы тебя точно залечили до смерти.

Я подошла и взяла его за подбородок. Воин дёрнулся, но я держала крепко.

— Сиди смирно, Воин, будь воином.

Он хмыкнул.

Я закапала ему глаза. Он зашипел, выругался. Я считала про себя, раз, два, три... Через минуту он выдохнул и расслабился.

— Ненавижу это средство, – проговорил он.

— Я знаю, но оно помогает.

Потом ещё раз глаза закапала.

— Теперь это выпей. Давай-давай.

Я протянула ему кружку с настойкой из моего любимого чеснока, мёда и огненной водицы.

Он взял, погладил кружку, потом понюхал и выразительно поморщился.

— Ух, и адская смесь... – фыркнул он.

Но выпил залпом.

— Фу-у-х... Гадость. – выдохнул он и занюхал манжетом.

— Лекарство не может быть вкусным, иначе это уже десерт.

Он хмыкнул.

Я осмотрела его ноги и порадовалась, что всё заживало.

Слава тебе господи.

После осмотра Воин вдруг сказал:

— Настя... у меня просьба есть...

— Да, какая?

— Мне надо управляющему письмо написать.

Я села в кресло напротив, сложила руки на коленях.

— Напишу. Скажешь, что и напишу.

И дело у нас в долгий ящик не откладывалось.

Он продиктовал мне имя и адрес.

Орлов Пётр Степанович.

Он жил в соседнем городе.

Воин понятия не имел, куда он пропал. Уволила его моя мачеха или сам сбежал... Надо это дело прояснить.

— Напиши так... *«Пётр Степанович, я вернулся, но вас не застал. Неужель, оставили меня? Нуждаюсь в вашей помощи, дела плохи. Приезжайте как можно скорее. Граф Михайлов».*

Я написала. Почерк у меня вышел ужасный, эдакая смесь моего врачебного с той каллиграфией, которую требовал этот век.

Буквы плясали, наклоняясь то вправо, то влево.

— Готово, – сказала я.

— Прочитай вслух, – попросил он.

Я прочитала, он удовлетворённо кивнул.

— Отправь гонца сегодня же.

— Отправлю, – пообещала ему.

Решила доверить дело Дуне. Она найдёт, кто верный и точно дело до ума доведёт.

— Настя, – вдруг позвал меня граф.

— М-м-м?

— Я хочу на воздух.

Я подняла брови.

— На воздух?

— Свежего воздуха хочу глотнуть, – сказал он. – Я в этих четырех стенах уже с ума сходить начну. Выведи меня, пожалуйста.

— Воин, – сказала я осторожно. – Но как я тебя выведу? Нужно специальное средство передвижения...

— Так кресло с колёсами есть. Докторы, когда сказали, что я никогда не встану, так сразу заказал.

— И где оно?

— В гардеробной. Прошку пошли.

Я позвала Прошку. Тот выслушал меня и убежал. А через пять минут прикатил кресло.

Оно было добротное.

Тёмное дерево, кожаная обивка, высокие колеса.

Сделано на совесть, вот видно, что мастер старался.

Но Воину оно недолго прослужит. Скоро он на своих двоих бегать будет. Я это чувствовала.

Прошка и ещё двое мужиков подняли Воина, пересадили

в кресло.

Плед взяла и на ноги ему постелила.

— Весна же. Тепло... – проворчал он.

— Не спорь со мной.

Глава 12

* * *

— Анастасия —

Мы вышли из дома, и я вдохнула полной грудью. Даже глаза прикрыла, подставляя лицо мягким солнечным лучам.

Что ж, солнце, что в двадцать первом веке, что в девятнадцатом – одинаковое. Поверьте мне, я проверила.

Покатила кресло с супругом и обернулась, чтобы рассмотреть дом и замерла.

Усадьба Михайловых была потрясающе красивой. Я даже и не думала, что она... такая величественная.

Это был трёхэтажный дом из светлого камня с колоннами. Почему-то я думала, что дом деревянный. Это из-за внутренней отделки деревом.

— Красивый дом, – произнесла вслух.

— Да, ещё мой дед строил, – проговорил Воин. – Он любил всё большое... И хватит стоять, иди в сад.

Я хмыкнула, вспомнив выражение «Идите все в сад». Буква «с» как бы с намёком на букву «з», ну, вы поняли. Воин меня сейчас неосознанно культурно послал. Но это шутка.

Но я не стала пока его просвещать, а то начнёт вопросы задавать, откуда я это взяла.

Сад тоже был огромным.

Дорожки усыпаны мелким светлым гравием, аллея из ста-

рых лип, был даже пруд с мостиком.

Весна активно вступала в свои права.

Деревья только начинали зеленеть, молоденькие листочки проклюнулись кое-где, да почки набухли.

А воздух! Мама родная!

Пахло сеном, свежей землёй, конечно, навозом и тянуло дымком откуда-то издалека.

Хорошо в краю родном, пахнем сеном и... какулями.

— Хорошо как, — прошептала я.

— Что ты сказала? Я не услышал? — не понял Воин.

— Я о воздухе говорю. Пахнет хорошо.

Он хмыкнул.

— Пахнет сеном и говном, — сказал он вдруг и я едва сдержалась, чтобы не захохотать в голос. Он будто мои мысли прочёл. — Деревня, она и есть деревня.

Все бы деревни такими были.

— Прекрасная деревня.

Мы катили по дорожке, говорили мало. Иногда он показывал рукой и рассказывал, что там раньше был буйный цветник, и стояла беседка. По его словам, там любила сидеть его матушка.

Я слушала, кивала. Вдруг подумала, что как-то мы с Воином чуть ли не с первой встречи стали на одной волне.

Вы поняли меня, с какой именно *первой* встречи. Я говорю про себя.

Наверное, мы просто по возрасту подходим. Или по стой-

кости духа и характера.

Воин Михайлов, на мой взгляд, мужчина совести и чести. Такие люди не каждый день встречаются и дурочка, конечно, Настя, раз не разглядела под личиной грозного медведя достойного и порядочного мужчину.

Мы катили по аллее, как вдруг из кустов вылетело нечто огромное, чёрное и мохнатое.

Я чуть не заорала от неожиданности, но ахнула достаточно громко. Воин услышал и насторожился:

— Что такое?

И я тут же рассмеялась от облегчения, но за сердце схватилась.

Это «нечто» подбежало к креслу и запрыгнуло на колени к Воину. И тут же громко мяукнуло.

Кот.

Точнее, котяра. Большой, чёрный, пушистый, весьма упитанный и явно довольный жизнью. Глазищи жёлтые, огромные.

Мордочка у него была чёрная, но вокруг носика – белое пятно, будто он сунул морду в муку.

Лапки тоже чёрные, а «носочки» тоже белые, как и кончик пушистого хвоста.

Ах, да, ещё и белый бантик на шее.

— Какой чудесный котик, – произнесла с улыбкой. – Но напугал меня...

— Это Машка, – улыбнулся Воин.

— Машка? Так это кошка, – хихикнула я.

— Ага. И где ты только гуляла, шкодница? – спросил с улыбкой Воин и потрепал зверюгу. – Давно тебя не было.

Машка замурлыкала громче, жмурясь от удовольствия. Выгибалась и ластилась к Воину.

Я смотрела на эту картину и улыбалась.

Животные чувствуют людей. К нехорошим личностям они и близко не подойдут.

И тут я присмотрелась к кошке повнимательней.

— Слушай, Воин, судя по её упитанности, вы, ваше благородие, скоро станете папой котят.

Его рука застыла на кошачьей спине.

— Чего? – не догнал он.

— Кошка, похоже, беременна, – пояснила я. – Живот круглый. Месяца два, наверное. Скоро родит.

Воин нахмурился, осторожно пощупал кошачий живот. Кошка не возражала, наоборот, подставилась, замурлыкала ещё громче.

— И, правда, – проговорил он удивлённо.

— Вот-вот.

И тут мне пришла мысль, что в старые времена ненужных щенков и котят топили.

Я люблю животных и категорически против жестокости над ними. Тем более, кошки они же на мышей охотятся.

— Воин, у меня вопрос... Котят же топить не будут?

Он покачал головой.

— Что за глупости, Настя? Никто Машкиных котят не тронет. Деревня большая, кошки нужны.

Вот и славно.

Я подняла голову к небу, чуть зажмурилась. День такой погожий сегодня. И вообще жизнь прекрасна...

И тут Воин тихо проговорил:

— На самом деле... я бы очень хотел стать отцом. Но не для котят.

Мне вдруг стало неловко и чуточку неуютно.

Потому что ведь это не я отказывала ему в супружестве.

Это была не я, а та, другая Анастасия, которая рыдала, ныла и боялась его, как огня.

А он этого не знает.

Воин думает, что это я, глупая женщина, которая не выполнила супружеский долг, наследника ему не дала...

Ну, мне так кажется, что у них ничего не было.

Но не спрашивать же Воина об этом! Мол, а не в курсе ли вы, дорогой супруг, было ли что-то у нас в день свадьбы или нет? Или я всё ещё девственница?

Но и молчать сейчас нельзя. Да и я как-то не против детей.

— Всё будет, – произнесла тихо, но уверенно. – Ты главное поправляйся. И обещаю тебе, у нас всё будет. По-хорошему и правильно. Дети, кошка, собака...

Чуть не ляпнула «ипотека».

Он повернул голову в мою сторону.

— Тебя точно подменили.

Я похолодела, улыбка сползла с моего лица. Сглотнула и открыла уже рот, чтобы опять заладить про высшие силы, то да сё.

— Но я рад этой перемене, — добавил граф.

Я выдохнула.

— И я рада.

Подул вдруг холодный ветер, хотя ещё минуту назад тепло было, хоть загорай. Тучи набежали, скрыв и солнце, и тепло, и я поёжилась.

— Так, похолодало, давай-ка, поехали обратно. Да и отдыхать тебе надо.

— Ещё немного, — попросил он.

Хотела возразить, но не стала.

— Пять минут. И домой.

Он кивнул. Гладил кошку. Машка лежала на его коленях, урчала и косила на меня жёлтым глазом, мол, смотри, как надо с ним. Ласково и нежно.

* * *

Если с утра день начался прекрасно, то логично, что потом всё пошло через одно место.

Закон подлости, мать его.

Этот закон работает всегда и безотказно. Даже в девятнадцатом веке. Я проверила.

Воин, конечно, молодец, иммунитет у него прекрасный, но он всё равно ещё слаб.

После прогулки побледнел, задышал тяжелее, и я, несмотр-

ря на его ворчание, что он хочет ещё погулять, отправила его отдыхать.

Сделала новые примочки на глаза, потом закапала их своим ядрёным средством.

Воин снова ворчал, но крепился и терпел.

Прошка помог графу перелечь в постель, и слуга остался рядом. Я строго-настрого наказала ему с графа глаз не спускать. И если что, сразу бежать за мной.

Прошка с серьёзным лицом клятвенно пообещал, что так и сделает.

— Настя, не держи меня немощную девку, – ворчал Воин, когда я подоткнула ему одеяло и губами проверила его лоб.

— Ты мой муж и пациент, – ответила ему. – А значит, должен меня слушаться вдвойне. Понял?

Он хмыкнул, и спорить больше не стал.

И через минуту уже сопел.

Я вышла из комнаты, остановилась в коридоре.

Письмо управляющему лежало у меня в кармане. Оно было подписано и запечатано сургучом и печатью Воина.

— Дуня, – позвала горничную.

Дуняша выскочила откуда-то из-за угла, будто ждала.

— Слушаю, сударыня.

— Мне срочно письмо нужно отправить. Найди самого верного человека, такого, который за Воина и в огонь, и в воду. Пусть отвезёт в город и передаст точно в руки управляющему Петру Степановичу и дожждётся ответа. Сделаешь?

Есть у нас такой человек?

Дуняша кивнула, взяла письмо, спрятала за пазуху.

— Есть такой, сударыня. Староста в деревне, Кузьма. Он за графа, как вы и сказали, и в огонь и воду. Всё сделает, как надо.

— Тогда беги к нему. И передай, что это дело жизни и смерти.

Дуняша покивала и убежала.

А я пошла в кабинет мужа.

Пора просмотреть документы. Мне хотелось понимания, что сейчас происходит, в каком я году, какие дела творятся в имении и так далее.

Подходя к кабинету, я очень удивилась, потому что дверь была приоткрыта, хотя так не должно быть.

Ключ был у меня в кармане.

Я толкнула дверь, вошла и замерла.

В столе графа рылась Клавдия Петровна.

Обалдеть просто, вот это уровень наглости у тётки!

Она рылась суетливо, как крыса в амбаре. Бумаги летели в сторону, какие-то свитки она откладывала отдельно.

— Что вы здесь забыли? – спросила ледяным тоном.

Клавдия Петровна вздрогнула.

Даже взвизгнула чуть-чуть. Подняла голову и посмотрела на меня таким уничтожающим взглядом, что если бы она умела убивать взглядом, я бы сейчас лежала трупом на пороге кабинета.

Но тётка быстро взяла себя в руки.

Она расправила могучие плечи, потрянула всеми тридцатью тремя подбородками и рявкнула:

— Не твоего ума дело! Всё равно ты ничего не смыслишь! Зачем пришла?

Всё это она вылила на меня с такой ненавистью в голосе, что я всерьёз забеспокоилась. А вдруг она и правда что-то подмешивала моей тёзке? Чтобы та была слабой, вялой, безвольной? Не удивлюсь.

— Во-первых, – процедила я и сделала шаг вперёд, – это мой дом. Во-вторых, не вам судить о моих умственных способностях. И, в-третьих, вы не ответили на мой вопрос. Я повторяю, что вы здесь забыли? Рекомендую ответить прямо сейчас и честно. Ибо до правды я всё равно доберусь.

Клавдия Петровна запрокинула голову и расхохоталась. Это был жуткий смех.

Так трактор заводится зимой, когда солярка замёрзла.

— А с чего это ты такая борзая стала, а? – рявкнула она, отсмеявшись. – Откуда только дерзости набралась?

— Я жду ответ, – прошипела я, теряя терпение. – Не заставляйте меня принимать радикальные меры.

Она вздёрнула монобровь, и она поднялась высоко, превратившись в чёрную гусеницу на лбу.

Мачеха, откровенно насмехаясь, бросила мне в лицо:

— Да что ты мне сделаешь, плакса ты безмозглая? У тебя же ума, как у курицы! Ты тупая, Настя! Иди к мужу свое-

му, позорься дальше, делая вид, что знахарство знаешь! Вот помрёт граф от твоего лечения, так сразу сдам тебя в монастырь, или под расстрел пойдёшь, тут уж как императорские люди решат. Отца твоего мне только жаль, помрёт же с горя... Но тут уж ты сама виновата...

Ах, вот оно что.

Мачеха думает, что я в доктора поиграть решила. Что я – дура, которая возомнила себя знахаркой, и что Воина я залечу до смерти.

Она очень на это надеется. В её мечтах Воин помрёт, меня сплавит в монастырь или под расстрел, тут как повезёт, а папенька помрёт с горя и Клавдия Петровна останется одна и будет в шоколаде.

Ну, красава просто.

А вот шиш тебе, харя свиная!

Я не стала ей отвечать. Просто вышла из кабинета.

— Ты поняла меня? – крикнула она мне вслед. – Сиди смирно, дура!

Я не обернулась.

В коридоре поймала первую попавшуюся служанку. Ей оказалась та самая девушка, которая разбила тарелку на кухне, Степанида, кажется.

— Поди сюда, – подозвала её. – Бегом кликни мужиков. Самых здоровых. И пусть топорики прихватят. Можно и бензопилу.

Девушка вылупилась на меня.

— Бенз... чего?

Я махнула рукой.

— Бензопилу не надо, это я так, — поправилась я. — Топоры побольше пусть возьмут и бегом ко мне.

Она помчалась выполнять распоряжение с такой скоростью, будто за ней черти гнались.

Ещё бы, мачеха тут всех достала, всем поперёк горла.

Клавдия Петровна не догадывалась о моей затее.

Она точно пава выплыла из кабинета через минуту после меня.

Нет, не выплыла, она вытащилась, как авианосец.

Морда довольная, глаза хищно блестели, на губах играла победная улыбка.

Она подошла ко мне, остановилась, руки в боки. Ну, прямо истинная графиня. Подзаборная.

— Ты бы сидела в своих комнатах, как раньше, и не совывалась, — проговорила она, упиваясь своим, как ей казалось, авторитетом. — Тогда всё хорошо у тебя будет, дурочка ты моя горемычная. Пусть Воин помрёт, всем же лучше станет. Ты зазново замуж пойдёшь, за кого поприличней. Всё же ты графская дочь, а не купеческая. А за Михайлова мы тебя замуж выдали из-за долгов твоего папеньки. Поэтому, дочка, будь умной, слушай меня.

И она протянула ко мне свою граблю, чтобы погладить меня по щеке или похлопать.

Я отшатнулась, и едва удержалась, чтобы не сплюнуть.

Вот же тварь, да?

И тут в коридоре показались два бравых молодца.

Первый был светловолосый и здоровый, как бык. Ширина плеч у него, вот реально полкоридора. Руки вообще, как кувалды, такие руки легко череп проломают.

Лицо у него было простое, открытое и с небольшой бородкой, и глаза голубые и ясные.

Одет был в простую рубаху, подпоясанную кушаком, а в правой руке держал топор.

Таким топором, наверное, палачи головы рубят. У него широкое лезвие и длинная рукоять, короче страшная вещь.

Второй мужик был рыжий-рыжий, как лис, но выглядел он истинным титаном, и был даже выше и шире Воина, представляете?!

Я задрала голову, чтобы разглядеть его лицо.

Глаза у него были зелёные и хитрющие. Волосы рыжие, кудрявые и торчали во все стороны.

Бороды нет, зато усы, во! Как у Будённого. И в руках он держал такой же жуткий топор.

За ними кое-как поспевала служанка.

Глаза у неё злорадно горели, щёки покраснелись и губы были растянуты в улыбке до ушей.

Она предвкушала падение мачехи.

У Клавдии Петровны даже улыбка сошла с лица, и монобровь нахмурилась.

Тётка интуитивно сделала шаг назад.

— Звали, сударыня? — обратился ко мне рыжий.

— Да, добры молодцы, звала, — сказала я и не смогла сдержать довольную улыбку. — Надо нам вот этой особе руки отрубить. За воровство и возможное покушение на мою жизнь. Но мне как-то не по чину руки марать, поможете? Думаю, в кабинете графа нам будет удобно... пообщаться. Верно, «*матушка*»?

Мужики переглянулись.

Они, кажется, приняли мои слова всерьёз.

Рыжий переложил топор из правой руки в левую, будто готовился действовать.

Служанка перестала улыбаться, но она явно не возражала.

Никто не возражал.

А вот Клавдии Петровне стало плохо.

Она схватилась за сердце. Правда, тётка перепутала стороны и приложила руку справа. Где сердце, где печень, она явно не знала.

И тут как заорёт:

— А-а-а-а! Убивают!

— Цыц! — рявкнула я.

Кивнула мужикам и приказала:

— Берите её и за мной в кабинет.

Мужики послушались.

Схватили упирающуюся тётку под руки. Бабища не сдавалась, она попыталась пнуть одного, потом другого.

Куда там! Мужикам всё ни по чёму. Таких и танк не сдви-

нет.

— Пусти, кому говорю! Настыка! Я твоему отцу пожалуюсь! Я тебя прокляну! Ты у меня ещё попляшешь!

Она орала как бешеная свинья.

Вопль, наверное, слышал весь дом, в том числе и Воин.

Надо Прошку предупредить.

— Я тебя убью, тварь ты безмозглая! – продолжала верещать на звуковом пределе Клавдия Петровна, когда мужики затаскивали её в кабинет. – Только попробуй меня тронуть! Только попробуй хоть волосок с моей головы тронуть, я тебя урою! Дрянь! Мерзкое отродье! И почему ты не сдохла-а-а!

Мы вошли в кабинет.

Я обернулась к служанке:

— Беги к Прошке и передай ему, что всё живы и здоровы. Это сударыня с мачехой разбирается. Пусть граф не волнуется, если спросит. Поняла?

Девушка закивала, но спросила:

— А вы... невзавражду руки ей рубить будете?

Я усмехнулась.

— Посмотрю на её поведение.

Девушка ахнула, прижала ладошку ко рту, но ничего не сказала. Убежала.

Я закрыла двери на ключ.

Ключ повернулся с громким щелчком.

Повернулась к Клавдии Петровне.

Она стояла посреди кабинета, зажата между двумя бога-

тырями. Подбородки тряслись. Монобровь дёргалась. Глаза метал молнии.

Я максимально величаво опустилась в кресло.

— Ну что, Клавдия Петровна, – произнесла я приторно сладким тоном. – Пообщаемся по душам?

Она молчала и сверлила меня взглядом, полным ненависти.

А я вдруг подумала: *«Вот оно, чувство власти. Оказывается, оно такое... приятное».*

Но вслух сказала другое:

— Итак, рассказывайте, где ворованные деньги лежат. И что вы искали в столе моего мужа. И как вы собирались меня убить. Всё говорите, лучше подробно.

Она открыла пасть, но тут же захлопнула.

Прищурилась и выдавила ядовито:

— Гадина ты, Настька. Ничего я не искала. Бумаги про-
веряла.

— Какие именно бумаги? – произнесла ледяным тоном.

— Хозяйственные.

— Вы здесь не хозяйка, Клавдия Петровна.

— Я мать твоя! – рявкнула она, снова набирая обороты.

— Вы мне не мать. Вы – подлая аферистка и воровка. И сейчас я это докажу.

Я кивнула богатырям.

— Бравы молодцы, будьте так добры, общитесь её. Думаю, при ней найдётся что-то интересное.

Клавдия Петровна забилась, пытаясь вырваться.

— Не трогайте меня! Я графиня! Я всё расскажу императору! Он вас казнит! Он вас в ссылку! Да я вас сама урою!

— Хватит, – перебила её вопли.

Рыжий полез в карманы её платья.

Клавдия Петровна взвизгнула, будто её чести лишают.

Светловолосый держал её крепко.

Из карманов он вытащил много чего. Связку ключей, шёлковый платок и пачку бумаг, перевязанных бечёвкой.

Рыжий подал их мне.

Я просмотрела бумаги и обалдела. Это были долговые расписки на имя Воина! На очень крупные суммы.

Подписанные... чей рукой? Подпись подделана? Я ещё не видела почерка Воина, надо бы сравнить.

— Это что? – спросила я, показывая бумаги Клавдии Петровне.

Она побледнела. Даже под смуглой кожей стало видно.

— Ничего, – прошептала она. – Это... это не моё.

— А чьё же?

— Не знаю...

— Клавдия Петровна, – процедила я, вставая с кресла и медленно подходя к ней. – У меня сегодня хорошее настроение. Поэтому я готова быть доброй. Но если вы начнёте юлить...

Я щёлкнула ногтём по лезвию топора.

— ...то доброта моя быстро закончится.

Клавдия Петровна сглотнула. Я видела, как в её глазах борются страх и ненависть. Страх побеждал.

— Что именно ты хочешь знать? – прошептала она.

— Всё. И без вашего вранья.

И я улыбнулась, как хирург, который сейчас отрежет кусок плоти.

Мужики переглянулись. Рыжий едва заметно кивнул. Мол, правильно, сударыня. Так её.

Глава 13

* * *

— Анастасия —

— Я ни слова не скажу! – рывкнула Клавдия Петровна и дёрнулась так, что мужики едва удержали. – Потому что я ни в чём не виновата! Я не воровка и не мошенница!

— Правда? – протянула я опасным тоном.

Подошла к мачехе вплотную, заглянула ей в глаза.

В них плескался океан лютой ненависти.

— А я нутром чую, что вы матёрая мошенница, неуважаемая Клавдия Петровна. Хватит юлить, рассказывайте, как ограбили моего отца. Сколько украли, куда спрятали награбленное.

Тут я вспомнила про оффшорные счета в будущем. В этом веке тоже ведь счета уже были.

Банки чуть ли не с каменного века существуют, но вот незадача...

Я точно по истории помнила, что женщины аж до самых шестидесятых двадцатого века, если не ошибаюсь, конечно, не имели права открывать счета и совершать какие-либо финансовые операции без разрешения главы семейства – отца, дяди, брата, мужа... или опекуна.

Значит, мачеха либо с кем-то в сговоре, либо прячет кубышку где-то... ну, не знаю, закопанной под дубом, берёзой,

в чей-нибудь могиле. Вариантов тьма.

— Ты совсем умом тронулась! — заорала она мне прямо в лицо. — Какое награбленное? Твой отец игрок и гуляка! Промотал всё состояние твоей матери! Если бы не я, то ты с папаней уже на паперти бы сидела! Неблагодарная ты мерзавка! Я пожалуюсь императору, я ему письмо напишу, я...

Я едва удержалась, чтобы не вlepить ей пощёчину. Честное слово, руки так и чесались.

Но бить эту гору мяса, только руку отбить. Да и не дворянское это дело, с бабами драться. Хотя какая она баба? Танк, самый настоящий.

— А ещё вы расскажете о махинациях с состоянием моего супруга, — отчеканила я.

Тётка опешила, побагровела.

И вдруг...

Плюнула мне в лицо!

Я даже зажмурилась от неожиданности.

— Сука... — вырвалось у меня.

Мужики, видя такое дело, сильнее завернули ей руки. Она заверещала, будто её режут.

Я достала из кармана платок и вытерла лицо.

Надеюсь, слюна этой бабищи не ядовитая.

Так, всё. Хватит с ней вежливого общения.

Пора показать, что перед ней не размазня.

— Моё терпение лопнуло, — сказала спокойным, но холодным тоном. — Парни, будьте так любезны, правую ручку

Клавдии Петровны на стол. И примерьтесь-ка топорчиком.
А я скажу, когда рубить.

Клавдия Петровна заорала.

И орала она так, что я чуть не оглохла.

Крик разнёсся по всему дому.

Наверное, его слышала вся Российская Империя.

И Европа, наверное, тоже.

Я уверена, что в Америке в тот момент какой-нибудь фермер в Техасе поднял голову и спросил у жены: *«Дорогая, что это было?»*

Мужики притянули упирающуюся тётку к столу.

Правую руку положили на столешницу.

Она сжала руку в кулак, чтобы топору было неудобно.

Дёргалась, била ногами, головой бодалась, но этим богатырям всё нипочём. Они стояли как каменные големы.

Рыжий приложил лезвие топора к её запястью.

— Только тронь меня! – заверещала Клавдия Петровна.
– Я тебя лично убью! Я тебе глаза выдавлю, язык отрежу и свиньям брошу! Я тебя...

И тут раздался щелчок.

Двери резко распахнулись.

— Что здесь происходит?! – раздался свирепый голос.

Я обернулась.

Воин.

Мужчина сидел в кресле. Прошка прикатил его.

Одет граф был наспех, рубаха не заправлена, халат наки-

нут кое-как.

Даже повязка на глазах сидела криво.

Но голос был таким, что у меня мурашки по спине побежали.

Таким голосом, он, наверное, командовал *«Держать стой! В атаку!»*

— А-а-а-а! А-а-а! Ваше благородие! – заорала дурниной Клавдия Петровна. – Спасите-е-э-э! Настька рехнулась! Она убить меня хочет! Руки мне рубит! Ах, я сейчас умру! Моё сердце! У меня приступ... А-а-ах...

Прошка наклонился к Воину, что-то шепнул на ухо.

Воин сжал губы, и руки в кулаки тоже сжал.

Вот чёрт...

— Воин, – начала я. Ненавижу оправдываться. – Всё не так, как ты думаешь...

— Мой приказ! – перебил он тоном, не терпящим возражений. – Немедленно отпустить Клавдию Петровну, и убивайтесь вон!

Мужики тотчас исполнили приказ.

Отпустили мачеху, как будто она была горячей сковородкой.

И мигом удрали, только пятки сверкали.

Рыжий на прощание покосился на меня виновато, мол, прости, сударыня, начальник здесь граф.

Клавдия Петровна выпрямилась, плечи расправила. Платье отряхнула.

И посмотрела на меня таким жгучим взглядом, будто уже приговорила к смертной казни.

— Я тебе всё припомню, дрянь, — прошипела она едва слышно.

И величественно вышла из кабинета, как авианосец, покидающий место боя.

— Ты всё заporол, — вздохнула я, когда дверь за ней закрылась. — Она уже почти призналась во всех своих махинациях!

— Ты совершила большую ошибку, — отчеканил Воин. — Прощка, выйди!

Слуга выскользнул за дверь, и мы остались вдвоём.

Я поняла, что финита ля комедия.

Сейчас меня будут песочить и винить во всех смертных грехах.

А так всё хорошо начиналось! И вот тебе.

— Анастасия Аркадьевна, что ты себе позволяешь? — произнёс сердито Воин.

— Допрос, — ответила честно. — Я застала её в твоём кабинете, она рылась в твоём столе! Я обязана была вывести её на чистую воду! Воин, это же для нашего блага и...

Но он поднял руку, призывая меня умолкнуть, и я заткнулась. Сжала в кулаке платок, представляя, что это шея чёртовой Клавдии.

— Чтобы устраивать допрос, — начал он медленно, чеканя каждое слово, — ты должна была вызвать государственного

свидетеля, урядника, который бы записывал все слова графини под протокол.

— Но тут были мужики! – всплеснула я руками. – Они всё видели и слышали!

— Их слово против слова графини, Настя. – Воин покачал головой. – Она дворянка. Они лишь крестьяне. А ты и вовсе заинтересованное лицо.

Я почувствовала себя... ужасно.

— То, что ты устроила – это самосуд, – продолжил Воин. – И законной силы твоя выходка не имеет. Даже если бы она призналась тебе в воровстве, убийствах и государственной измене, это признание ничего не стоит. Потому что оно выбито под угрозой расправы топором.

— Но я не собиралась на самом деле ей руку рубить! – защищалась я. – Воин, это был блеф!

— А она знала, что это блеф?

Хотела возразить, и сказать, что он ничего не видел и не слышал. Хотела сказать, что он не знает, какова Клавдия Петровна на самом деле!

Но промолчала.

Потому что он, чёрт возьми, был прав.

Я привыкла в своей прошлой жизни решать всё сама.

Операционная не ждёт, пока кто-то там примет решение.

Там решения принимаешь ты. И отвечаешь за них тоже ты.

А здесь другое время, другие правила и законы. Здесь есть

иерархия.

Моё молчание был красноречивее любых слов.

Я заложила руки за спину и запрокинула голову. От стыда перед Воином хотелось провалиться сквозь землю.

— Ты поступила беспринципно, — заявил Воин. — Незаконно. И только что оскорбила меня, как мужчину, и как супруга.

Я тут же подобралась и перестала перекатываться с носки на пятки.

— Чем же я тебя оскорбила? — удивилась я.

— Ты решила, что умнее меня, — произнёс он ледяным и жёстким тоном. — Ты не посоветовалась со мной. Не предупредила. Ты просто взяла и устроила в моём доме и с моими людьми самосуд над женщиной, которая, какими бы грехами она ни была покрыта, всё ещё является графиней и членом моей семьи.

— Она не член семьи, она — сущее зло! — выдохнула я.

— Это не тебе решать, — отрезал Воин. — Это решает суд. Или я. Потому что я — глава этого дома. А ты — моя жена.

У меня возникло желание срочно провести революцию за расширение прав и возможностей женщин!

Я помолчала и буркнула:

— Я тебя поняла.

— Что ты поняла?

Я шумно вздохнула и призналась:

— Что я дура. И что больше так не буду.

Он помолчал.

— Отныне, – сказал он медленно, – я тебе запрещаю...

— Что? – спросила я, готовясь к самому худшему.

* * *

Воин сделал паузу, нервируя меня этим, но, наконец, сказал:

— Запрещаю тебе действовать в одиночку. Если у тебя есть план, то сначала ты докладываешь мне. Если есть подозрения, ты делишься ими со мной. Если хочешь кого-то допрашивать, ты говоришь мне, какие на то основания и делаем всё правильно. Поняла меня?

Фух. Я уж думала, что скажет, что запрещаю тебе вообще всё. Ан нет.

— Поняла, – произнесла мягко и с лёгкой улыбкой. И тут нахмурилась, и сказала резко: – Но теперь Клавдия Петровна имеет фору и великолепный шанс замести следы и подчистить хвосты! Вот, смотри... точнее, я тебе зачитаю...

Я вытащила из кармана расписки.

— Она брала деньги на твоё имя! Здесь стоит твоё имя и подпись! И печать! Но я уверена, что это подделка!

Он выругался, довольно ёмко и красноречиво. Я даже заслушалась.

— Дай-ка, – проговорил Воин и протянул руку.

Я вложила расписки ему в ладонь.

Он поводил пальцами по бумаге, пощупал печать, поднёс к носу и понюхал.

— Зачитай, – попросил он, – у кого брались деньги, на какие суммы.

Я взяла первую расписку.

— *«Я, граф Михайлов Воин Иванович, такого-то года рождения, обязуюсь выплатить господину купцу первой гильдии Самойлову Ефиму Петровичу сумму в размере пяти тысяч серебром. Беру займ на один год...»*

— Самойлов, – повторил Воин. – Кто таков?

— Понятия не имею, – пожала плечами.

— Я тоже. Дальше?

Вторая расписка. Деньги брались у него Морозова, надворного советника. Три тысячи серебром на полгода.

— Надворный советник Морозов, – усмехнулся Воин. – Ясно. Что там ещё?

Зачитала третью, четвёртую...

— Эти люди, Настя, мерзавцы редкостные. Я с ними дел никогда не имел и иметь не собираюсь. Более того, руки им никогда не подам и не пожму.

Я лишь вздохнула и головой покачала.

Пятая была на три тысячи пятьсот серебром.

— Итого семнадцать с половиной тысяч серебром, – проговорил Воин странным голосом.

— Это много? – прошептала я.

— Очень. На эти деньги можно купить деревню с крестьянами, или дом в Москве с прислугой. Или несколько стад коров, и ещё останется.

— И всё это, дражайший мой супруг, осело в карманах Клавдии Петровны.

Воин снова выругался.

В моём времени так не ругаются, слишком витиевато, с отсылками к предкам, географии и физиологии одновременно.

— Да, подставила меня мачеха твоя.

— Что будем делать? – спросила я сурово и сложила руки на груди.

— Так... Нужно дождаться ответа управляющего. Надеюсь, он придет. Затем необходимо вызвать урядника, параллельно поговорить со всеми, у кого она брала деньги. Когда это было, в каком виде, и как они посмели дать деньги ей, если расписки выписаны на моё имя. И кто писал эти расписки.

— А если все они в сговоре? – спросила я.

— Возможно, – кивнул он. – Тогда придётся копать глубже.

Я прошла по кабинету.

— Это очень странно. Я уверена, она действует не одна. Скорее всего, у неё есть сообщники, помощники. Она дама очень находчивая, между прочим. Про барана слышал?

— Что не так с бараном?

Я зло рассмеялась.

— Так мачеха велела барана псам отдать, но это было для отвода глаз! А на деле она приказала мяснику мясо на рынок

отвезти и деньги с продажи ей отдать. Представляешь, какая она предприимчива?

— Весьма, — произнёс Воин мрачно. — Но твой метод борьбы с ней в корне неверен. Так нельзя, Настя.

— Пф! — фыркнула я. — Воин, ты вроде военный человек. Ты должен знать, что на войне все средства хороши. Она явно считает всех богатых злом. И пытается любым способом выбраться на самый верх. Титул получила, когда замуж за моего отца вышла, и успешно разорила его. Теперь вот за тебя взялась. С такими людьми нельзя честно. С ними нужно действовать их же методами!

Он помолчал.

— Откуда в тебе это взялось? — спросил он тихо. — Эта жёсткость и жестокость. И хитроумная мудрость.

Я вздохнула.

— Побывав на грани жизни и смерти, много можно увидеть и узнать, — проговорила осторожно. — Душа другие миры посещает, знания получает... Понимаешь меня?

— Сложно это понять и принять, — сказал он. — Но... ладно. Расскажешь всё, когда будешь готова.

Я подошла к нему и присела перед мужем на корточки. Положила руки ему на колени.

Он нащупал мои руки, накрыл своими ладонями, мягко сжал.

— Ты лучше скажи мне, — начала я. — Неужели мы всё так с мачехой и оставим? Может, её хотя бы запрём в каком-ни-

будь чулане или подвале? Проверить нужно её комнату, все вещи перетрясти...

— Нет, – перебил он меня.

— Но почему? Тебе недостаточно расписок? Ты же мне веришь?

— Верю. Но всё должно быть по закону. Дождёмся управляющего.

Я вскочила. Обошла его кресло, по кругу. Снова встала перед ним.

— Пока будем ждать, она уже всё спрячет! – рявкнула я. – Ты что, не понимаешь?

— Я удивляюсь твоему безрассудству, Настя, – произнёс он устало. – Ты прекрасно знаешь, что подобное действие непозволительно. Представь, что я соглашусь. Слуги перевернут её комнату, но ничего не найдут. Что тогда?

— Найдут, – процедила я.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что она жадная. А жадные люди никогда не расстаются с деньгами. Они их прячут где-то рядом.

— Даже если так, – сказал он. – Ты не можешь просто взять и обыскать комнату графини. Для этого нужен законный повод.

— А расписки тебе, чем не повод?

— Расписки – это поддельные бумажки. Она скажет, что видит их впервые, или, что ты их подбросила.

Я схватилась за голову. Он был прав, опять.

— Что же делать? – вздохнула я.

— Просто слушай меня, – произнёс он устало. – Я знаю, как действовать. Если твоя мачеха замешана в махинациях, я это найду.

— Как? – спросила я.

— Любая махинация оставляет финансовый след, – сказал он просто. – Деньги не могут исчезнуть в воздухе. Они переходят из рук в руки, остаются записи в банках, долговых книгах. И так далее... Надо просто знать, где искать.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ты в этом разбираешься, – сказала с улыбкой.

— Я вырос в семье купца, Настя, – сказал Воин. – Отец научил меня считать деньги, и не только их.

Я улыбнулась шире.

— Ладно, сдаюсь. Действуем по твоему плану. Но если она что-то выкинет...

— Ничего она не сделает. Я буду за ней следить.

— Как? Ты же не видишь!

— У меня есть глаза, которые видят за меня, – произнёс он загадочно и слабо улыбнулся.

Я хотела спросить, что это значит, и кто будет следить, но он вдруг поморщился, провёл рукой по лбу.

— Отвези меня обратно, пожалуйста, – попросил он. – Что-то... голова разболелась.

— Скажи спасибо Клавдии Петровне, – проворчала я. – Это она своими выходками тебе голову разболела.

Я встала за креслом, покатила его в спальню.

Колёса тихо заскрипели.

— Сейчас дам тебе кое-что от головной боли, — шепнула ему.

— Опять что-то адское? — поинтересовался он с подозрением.

— Нет, — рассмеялась я. — Это другое. Бабка Марфа дала. Дала Воину лекарство и оставила его на Прошку.

Сама пошла на кухню, надо было узнать, что на обед и заказать для Воина куриного бульона...

Тут Дуняша мне попалась.

— Сударыня, я всё сделала, — обрадовала она меня.

— Ты молодец... Что такое?

Она стояла, руки заламывала.

Так, что опять?

— Там это... ваша матуш... ой, мачеха вещи собирает.

— В смысле? Куда? — обалдела я.

Глава 14

* * *

— Анастасия —

Воин отдышал.

Тормозить мужчину и спрашивать, что делать со сбегавшей мачехой, я не стала.

Не хватало из-за этой ведьмы окончательно мужчине жизнь попортить.

— Так что делать велите? – спросила Дуняша, переминаясь с ноги на ногу.

У неё был боевой вид, будто она готова для меня на всё. Хоть мачеху за ноги взять, перевернуть и трясти, пока та во всех смертных грехах не признается.

Я задумалась.

Тут надо по закону.

И мачеху отпускать нельзя, заметёт ведь все следы эта курва!

Воин сказал ждать управляющего, а управляющий неизвестно когда приедет, если вообще приедет. Может, он уже давно в ином мире благодаря стараниям некоторых личностей с монобровью.

А гадина эта прямо сейчас вещи собирает.

И вообще, врач я или не врач?

И тут мне пришла идея.

Ох, но тут же включилась чёртова совесть.

Заорала в голове, как сирена: *«Ты же давала клятву Гиппократа! Ты не должна вредить!»*

«Но я вредить и не собираюсь», – прошептала своей совести.

Совесть чуть-чуть заткнулась.

— Так, – сказала я Дуне. – Есть у меня одна мысль.

Я вернулась в спальню мужа, кивнула Прошке, мол, всё хорошо, не вставай.

Забрала корзину с травами и вышла.

— Идём-ка, – поманила за собой Дуняшу.

* * *

В своих комнатах достала пучок сушёной травы.

Помахала им перед Дуняшей и улыбнулась.

— Знаешь, что это? – спросила её, оскалившись.

Дуняша пригляделась.

— Это вязучка*, – произнесла она неуверенно, понюхала, потом чихнула и сказала уже точно: – Да, это она.

Бабка Марфа, как знала, что дополнительно мне дать. Вот точно расцелую эту женщину, когда приеду к ней.

— Да, Дуня, – кивнула я, – это она. Её ещё называют «сон-трава».

Дуняша открыла рот в изумлении. Она всё ещё удивлялась новым познаниям сударыни. Благо, молчала, а не бежала с воплями, что графиню подменили.

— Сейчас возьмишь её, – продолжила я, – и сделаешь

взвар для графини. Пусть попьёт чайку на дорожку.

Девушка ахнула.

— А графиня... она... — Дуняша сглотнула. — Ноги не откинёт от взвара-то этого?

— Пф! — фыркнула я. — Дуня, за кого ты меня принимаешь? Я не убийца. Она просто проспит весь день и проснётся с сильной головной болью. А это значит, что ни сегодня, и ни завтра никуда не уедет.

— А зачем вам это? — не понимала Дуняша. — Может, пусть валит на все четыре стороны, да подальше? Всем же лучше.

— Дуняша, — вздохнула я и заговорила строго: — Ты задаёшь слишком много вопросов, а у меня сейчас нет времени всё тебе объяснять. Просто делай, пока она не укатила. И вот ещё что, сама ей взвар не подавай. Пусть кто-нибудь из её доверенных слуг напоит её.

Дуняша одарила меня многозначительным взглядом. В нём был и ужас, и одновременно, уважение.

Я дала ей необходимое количество вязучки. Дуняша схватила её, спрятала в переднике и убежала исполнять поручение.

* * *

Что ж, моя затея удалась.

Через час Дуняша вернулась, сияя, как начищенный самовар.

— Графиня заснула, сударыня! — выпалила она. — Пред-

ставляете, прямо за столом! Мордой в вазочку с печеньем и уткнулась!

Она захихикала. Вроде как нельзя над графинею ржать, но она не сдержала эмоций.

— Лицом в вазочку? – рассмеялась я.

— Ага-ага, – подтвердила Дуняша, диким смехом.

Храп стоял на весь дом.

Зато я выиграла время.

Но радость моя была неполной.

Потому что в голову пришла одна мысль о расписках.

Когда осталась одна, вытащила их из кармана, разложила на столе.

И вот о чём подумала. Расписки всегда остаются у тех, кто даёт заём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.